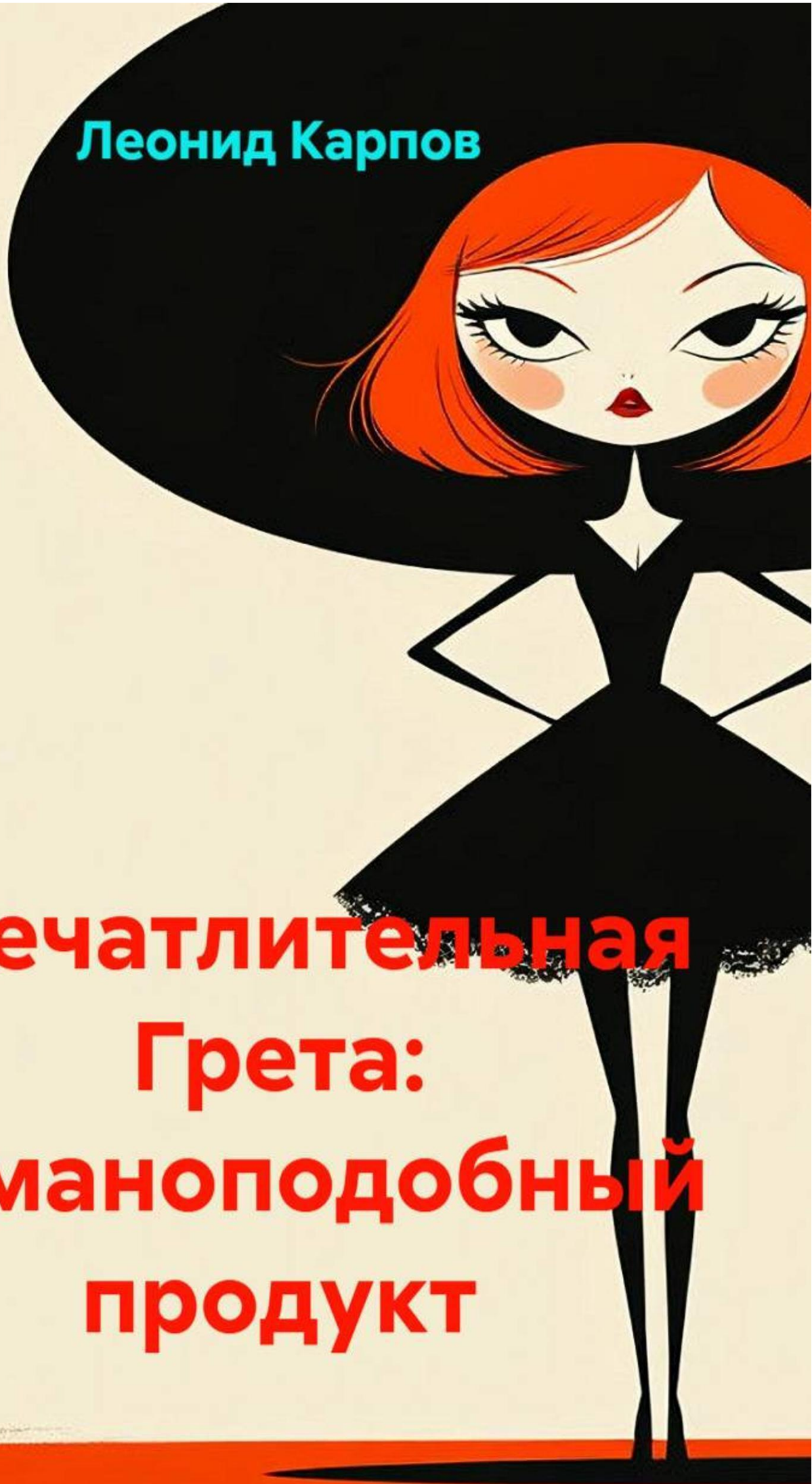

Леонид Карпов

**Впечатлительная
Грета:
романоподобный
продукт**

Впечатлительная Грета

Леонид Карпов

**Впечатлительная Грета:
романоподобный продукт**

«Автор»

2026

Карпов Л.

Впечатлительная Грета: романопоподобный продукт / Л. Карпов —
«Автор», 2026 — (Впечатлительная Грета)

Перед вами «романопоподобный продукт» – текст, который притворяется романом благодаря объему и неистребимому присутствию мадемуазели Греты. Это истории о девушке, которая упрямо ищет принца на белом коне, а ее впечатлительность и некоторая истеричность превращают любую бытовую чепуху в катастрофу или триумф. В мире Греты все становится поводом для драмы, особенно поведение ее кошки. Книга для тех, кто ценит ироничные детали и готов влюбиться в героиню, живущую на грани анекдота и высокой лирики.

© Карпов Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мадемуазель	5
Ням-ням	9
Черный кот	12
Волейбольная романтика	15
Аутентичная китайская еда	17
Казанова	20
Дом с привидением	23
Новый семейный статус	25
Вишневый Плащ	29
Джоконда	32
Господин Надоедун	35
Тренажеры, чувства и протеин	38
Цветочный Принц	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Леонид Карпов

Впечатлительная Грета: романоподобный продукт

Мадемуазель

Мадемуазель Грета была женщиной-стихией, чьи чувства были ключом, а эмоции всегда оставались обнаженными. Она была впечатлительна, слегка истерична и не замужем. Ее натура не терпела полутонов: вспышки иступленного восторга или отчаяния настигали ее внезапно, словно летняя гроза.

Предупреждение «детям и слабонервным не смотреть» Грета воспринимала как священную заповедь, а не дешевый трюк для привлечения внимания. Осторожность была для нее не трусостью, а способом самосохранения в этом слишком резком мире.

Впрочем, даже рутинный выход за хлебом Грета превращала в бенефис. Каждый ее шаг становился сценой, каждый взгляд случайного прохожего – аплодисментами. Она не просто жила, она дирижировала реальностью в вечном поиске принца на белом коне.

Гардероб мадемуазели был шумным собранием одушевленных существ. Грета искренне верила в тайную жизнь предметов: она могла пожурить капризную шляпку или доверить секрет крошечной пуговице. И те ей отвечали – по крайней мере, Грета в этом не сомневалась.

В тот день она облачилась в платье из розового шифона, которое, подобно распутившемуся бутону, мягко обнимало ее стан, а широкий пояс с брошью-стрекозой ставил изысканный акцент на талии.

Венцом образа служила экстравагантная соломенная шляпа, обвитая пурпурной лентой. С ее полей каскадом ниспадали перья и цветы, а сама шляпа высокомерно изрекала: «Я – королева! Без меня Грета была бы лишь заурядным цветком на лужайке».

На ногах мадемуазели сияли туфельки, усыпанные стразами. При каждом шаге они кокетливо подмигивали: «Признайте, именно мы – главные виновники этого ажиотажа».

В руках рыжеволосая женщина сжимала расшитый бисером ридикюль, который, как всегда, ворчал: «Боже, Грета, к чему этот грим? Тебе же будет невыносимо жарко!»

На запястьях позвякивал браслет из самоцветов, непоколебимый в своей значимости: «Я – душа этого ансамбля! Без моего блеска хозяйка была бы словно роза, лишенная аромата».

Замерев у витрины цветочного магазина, Грета остолбенела. Перед ней пламенели тюльпаны. Их сочные, вызывающие оттенки не просто радовали глаз – они пронзали сердце. Для впечатлительной мадемуазели это было как роковая встреча.

В ту же секунду дамба сдержанности рухнула. Эмоции захлестнули Грету с головой: она забилась в эстетической истерике. Крупные слезы, не щадя макияжа, покатались по щекам, а в груди заклокотал коктейль из неистового восторга и внезапной тоски. Эти лепестки пробудили в ней воспоминания о чем-то неуловимом, важном и невыносимо прекрасном.

– О господи! – вскричала она, заставляя прохожих вздрогнуть. – Эти цветы! Они... они божественны!

Голос ее, натренированный на драматических нотах, взлетел над улицей, и толпа невольно замедлила шаг.

– Но как?! Как мне обладать ими?! – продолжала она свой перформанс, картинно заламывая руки. – О горе, у меня нет с собой ни гроша!

Она судорожно принялась обшаривать сумочку, хотя прекрасно знала, что забыла кошелек. Вокруг нарастал шепоток; кто-то ехидно посмеивался, глядя на театральные страдания

мадемуазели. В этот миг Грета почувствовала себя самой одинокой женщиной во вселенной. Мир сузился до размеров хрустальной вазы в витрине. Казалось, если она не прижмет к себе этот букет прямо сейчас, ее жизнь утратит всякий смысл.

Растерянность в ее глазах была столь натуральной, что толпа дрогнула. Прохожие, не зная, как реагировать на этот стихийный манифест истеричности, начали... подавать милостыню. Кто-то бросил в сумочку горсть мелочи, а один донельзя впечатленный господин, поддавшись общему безумию, протянул ей свою банковскую карту.

Грета приняла дары как должное. Не удостоив благодетелей даже коротким «мерси», она стремительно оплатила покупку и вцепилась в букет, словно в спасенного младенца. Закатив глаза к небу, как истинная героиня мелодрамы, она замерла посреди затихшей улицы. В эту секунду для мадемуазели Греты существовал только аромат тюльпанов и звенящая тишина триумфа. Она не просто купила цветы – она выиграла битву с судьбой.

На следующее утро Грета провозгласила день «духовного и телесного обновления». Ванная комната в ее доме превратилась в святилище: в воздухе плыли ароматы эфирных масел, а пламя свечей дрожало, отражаясь в кафеле. Погрузившись в теплую пену, мадемуазель почувствовала, как истома разливается по телу, и мысли ее плавно потекли в сторону любимого романа.

Книги были ее верными спутниками, едва ли не единственными существами, способными выдержать натиск ее чувств. А в этом романе Грета знала каждую страницу, но при каждом прочтении слова оживали вновь, вызывая в ее душе бурю. История любви и приключений была для нее не вымыслом, а самой настоящей параллельной реальностью.

Влажными пальцами она благоговейно погладила твердый переплет, лежащий на марморном бортике, и в ее голове родилась внезапная, как вспышка молнии, метафора.

– А ведь мужчина – он как книга, – мадемуазель произносила «мужчина» так мягко, будто в этом слове совсем не было твердых согласных. – Но не каждому в этой жизни суждено стать бестселлером. И, к прискорбию, это почти никогда не зависит от таланта или глубины содержания.

Грета печально поджала губы, глядя на танцующее пламя свечи. Она видела это слишком часто: глубокие, мудрые «тома», полные захватывающих истин, годами пылились на полках одиночества, так и не встретив своего читателя. В то же время пустые, поверхностные «брошюры» в кричащих обложках, сдобренные дешевыми рекламными трюками, пользовались оглушительным успехом. Справедливо ли это? Мир Греты содрогался от этой экзистенциальной несправедливости.

«Каждый мужчина – это уникальный шифр, – размышляла она, пуская по воде круги. – В них скрыты свои тайны, драмы и немые переживания. Все это нельзя разглядеть на титульном листе. Чтобы постичь истинную ценность, требуется время. Нужно жгучее желание заглянуть за форзац, перевернуть десяток-другой страниц и дать шанс тому, что на первый взгляд кажется невзрачным».

Она представила, как осторожно открывает чью-то душу, и перед ней распахиваются новые горизонты. Мадемуазель Грета зажмурилась: даже в ванне, наедине с собой, она оставалась великой актрисой, смакующей каждую грань своих умозаключений.

Вдохновение охватило Грету, и она принялась читать вслух, придавая каждой фразе избыточный драматизм. Она погружалась все глубже в пучину книжных интриг, пока не достигла самой обжигающей главы. Но здесь буквы поплыли перед глазами: реальность вдруг оказалась притягательнее вымысла. Ее взгляд приковало пламя свечи, чей мягкий свет самозабвенно танцевал на кафельных стенах.

Завороженная, мадемуазель замерла. Огонь казался ей живым, капризным существом: он извивался, дразнил тени и рисовал на стенах силуэты неистовой страсти. В воображении Греты эти зыбкие контуры превращались в объятия тайных любовников, а каждый блик сулил

приключения, от которых перехватывало дыхание. Время замедлило свой бег, превратив ванную комнату в зал ожидания великой судьбы.

В эту минуту обычный воск в глазах Греты преобразился. Свеча предстала перед ней дерзким символом мужской силы – неодолимой, яркой, первобытной. Горделивая форма и жаркое пламя пробудили в ее душе настоящий ураган. Мадемуазель смотрела на огонь, и лицо ее светилось надеждой, достойной великомученицы.

Но мистический экстаз был прерван самым грубым образом.

Свеча, словно устав от бремени смыслов, которыми ее наделили, покачнувшись и с шипением рухнула в воду. Тьма и резкий звук повлияли на Грету как удар хлыста. В панике она вскочила, ощутив странный, удушающий спазм в горле, будто невидимая рука схватила ее за шею.

– О, нет! – взвизгнула она на высокой ноте. – Боже, я не готова! Только не сейчас!

Впечатлительная Грета вылетела из ванной, напоминая ошпаренную кошку, чья грация была принесена в жертву первобытному ужасу. Сердце ее выбивало чечетку, а воображение уже рисовало картины апокалипсиса.

Соседи и случайные прохожие под окнами, услышав эти страстные вопли и шум борьбы с невидимым врагом, лишь понимающе переглянулись. Улица наполнилась одобрительным гулом и двусмысленным улюлюканьем.

– Bravo, мадемуазель! Какая экспрессия! – смеялись они, будучи абсолютно уверенными, что у Греты в самом разгаре была бурная романтическая сцена.

Никто и не догадывался, что в этот момент «влюбленная героиня» пребывала в истинном, непритворном кошмаре, искренне не понимая, как мир мог так жестоко предать ее в минуту высшего откровения. Грета была в полном смятении, но это было то самое сладкое смятение, которое питает душу истинной актрисы. Экзальтация от пережитой «драмы» требовала немедленного выхода – сцена не должна была ограничиваться стенами дома. Нужно было действовать, и действовать наотмашь!

В порыве вдохновенного безумия впечатлительная мадемуазель выбежала на улицу. Из одежды на ней было лишь банное полотенце, обмотанное вокруг тела на манер античной тоги, а в руках она, как скипетр, сжимала вчерашние тюльпаны. Лицо ее сияло решимостью героини, идущей на эшафот или под венец.

– Я готова! – провозгласила она, обращаясь к небу и оторопевшей публике. – Я открыта для страсти! Я жажду любви!

Голос ее колоколом разнесся над мостовой, заставив прохожих замереть. Но прежде чем толпа успела опомниться, Грета вскинула букет и с комичным надрывом добавила:

– Но, умоляю, – никаких свечей! Больше никаких свечей!

Улица взорвалась хохотом. Зрители этого стихийного перформанса не скрывали восторга: кто-то свистел, кто-то начал искренне аплодировать «городской сумасшедшей», которая выглядела чертовски эффектно в своем импровизированном наряде.

Из толпы выступил мужчина. В его улыбке не было издевки – лишь теплое, искреннее любопытство и капля авантюризма.

– Мадемуазель, ваша экспрессия заслуживает как минимум чашечки крепкого кофе, – произнес он, галантно склонив голову.

Грета замерла. Ее впечатлительная натура, всегда жадная до новых сюжетов, мгновенно переключилась на незнакомца. Она не колебалась ни секунды. В ее мире не существовало приличия, когда на горизонте маячил новый сценарий.

– Я согласна! – выдохнула она, поправляя полотенце с достоинством королевы.

Улыбнувшись, мадемуазель Грета шагнула навстречу приключению. В конце концов, цветы у нее уже были, а кофе – это именно то, с чего должна начинаться любая приличная история любви.

Ням-ням

Мадемуазель Грета славилась своей впечатлительностью, граничащей с истеричностью. Каждый ее день – это моноспектакль, размаху которого позавидовали бы лучшие столичные театры. Сама она нескромно заявляет, что такая женщина – «одна на миллион». Правда, она не задумывается, что в таком случае в мире найдется еще примерно восемь тысяч подобных оригиналок.

Сегодня на Грете было ярко-розовое платье – настоящий магнит для глаз. Оно кричало (и мадемуазель могла поклясться, что слышит его голос): «Смотрите на меня! Я – цветущий сад! Как вам мои воланы? Они такие игривые, как я сама!»

Венчала этот ансамбль величественная соломенная шляпа, украшенная охапкой живых цветов. Огромные подсолнухи ловили солнечные блики, а нежные фиалки были вплетены в волосы хозяйки.

«Дорогая, ты великолепна, – снисходительно шептала шляпа платью, – но помни: без меня ты – лишь цветок без стебля. Я – твоя корона!»

Запястья Греты были отягощены массивными браслетами из самоцветов, а каждый шаг мандариновых туфелек сопровождался кокетливым щелчком ремешков. Финальный штрих – ярко-синяя сумочка из безупречно гладкой кожи. Она дерзко и прямо заявляла: «Я – та самая изюминка, спасающая вас от посредственности!»

Впечатлительная Грета, подслушав спор собственных вещей, залиvisto засмеялась:

– Ох, ребята, вы такие забавные! Давайте просто делать этот мир ярче!

Мадемуазель Грета была особой с тонкой душевной организацией: она могла упасть в обморок от слишком резкого запаха фиалок или устроить скандал из-за неправильного оттенка заката. Но когда дело касалось ее истинных страстей, то щечки, которые она густо пудрила для придания им аристократической бледности, мгновенно покрывались лихорадочным румянцем. Одной из таких страстей была вкусная еда.

Было утро, и ресторан «Л'Экстаз» почти пустовал. Но присутствие одной Греты уже создавало впечатление аншлага. Нервная мадемуазель сидела, впившись пальцами в скатерть, и ее грудь вздымалась под шелком платья так бурно, будто она только что пробежала марафон за автобусом.

– Несите же... – прошептала она пересохшими губами. – Я больше не в силах ждать.

И вот он появился. Официант нес блюдо так трепетно, словно это была корона империи. Это был стейк «Шатобриан».

Истеричная мадемуазель издала тихий, едва слышный всхлип восторга. Мясо лежало на подогретой тарелке, его вид был безупречен. Оно было сочным, с идеальной корочкой от гриля.

– О боже... – выдохнула мадемуазель, подаваясь вперед.

От стейка исходил аромат, который мог свести с ума любого гурмана. Это был запах дымка, приправ и чего-то неуловимо притягательного. Маленькая капелька сока медленно стекала по боку стейка, задерживаясь в углублении и блестя в свете свечей.

Впечатлительная мадемуазель взяла нож. Рука ее дрожала от нетерпения. Она приставила сталь к мясу. Один легкий нажим, и... о, чудо! Из нежно-розовой сердцевинки выделился горячий, ароматный сок.

– Ням-ням... – пробормотала Грета в полузабытьи, закрыв глаза.

Она отрезала кусочек – идеальный, сочащийся, с тонкой каймой хрустящей корочки. Когда впечатлительная мадемуазель поднесла его к губам, ее зрачки расширились. Она позволила этому кусочку медленно скользнуть в рот.

Мир перестал существовать. Соль и приправы создавали взрыв вкусов на языке, а нежнейшие волокна мяса буквально таяли, отдавая все свое тепло. Это было потрясюще вкусно. Мадемуазель почувствовала, как по спине пробежала приятная дрожь.

– Еще... – прошептала она, наслаждаясь каждым мгновением.

Грета ела с упоением, полностью погрузившись в процесс. Каждый укус был наслаждением. Когда на тарелке остался лишь последний, самый аппетитный розовый ломтик, впечатлительная женщина вдруг замерла. На глазах ее выступили слезы.

– Мадемуазель, что-то не так? – подскочил перепуганный официант.

Грета подняла на него затуманенный взор, тяжело дыша, и театрально прижала салфетку к губам.

– Это было... слишком хорошо! – вскрикнула она и, внезапно вскочив, впала в легкую истерику, опрокинув бокал мерло. – Вы погубили меня! Как я смогу теперь есть что-то другое?!

Она выбежала из зала, шурша юбкой, оставив после себя аромат духов и недоеденную веточку розмарина. Официант посмотрел ей вслед, потом на пустую тарелку, где в мясном соку отражалась люстра, и задумчиво облизнулся.

– Ням-ням, мадемуазель, – шепнул он. – Ням-ням.

Чтобы уложить в себе приятный обед, Грета отправилась в парк. Там ее внимание мгновенно привлек молодой человек с фигурой Аполлона. От его ослепительной улыбки сердце женщины пустилось вскачь, а воображение тут же нарисовало картины романтических приключений. «Это судьба», – решила она, внезапно ощутив необычайный прилив смелости.

Собравшись с духом, Грета двинулась к нему. В ее походке появилось что-то кошачье – так решительно хищница припадает к земле, заведя желанную добычу.

– Добрый день! – произнесла она.

Грета старалась звучать уверенно, но голос предательски дрогнул, выдав волнение дебютантки на большой сцене.

– Не желаете ли составить мне компанию для прогулки? – спросила она, затаив дыхание.

К ее восторгу, мужчина с легким удивлением кивнул. Завязался разговор. Желая очаровать спутника, Грета взахлеб рассказывала о танцах и любимых сериалах. Но когда речь зашла о литературе, ее фантазия окончательно пустилась в полет.

Она представила идеальный вечер: берег моря, они вдвоем увлечены чтением под шепот набегающих волн. Прохладная вода оmyвает босые ноги, закатное солнце ласкает лица, а легкий бриз небрежно играет с волосами. В этой воображаемой идиллии царили лишь покой и нежность.

– А как вы относитесь к книгам? – с надеждой спросила она, возвращаясь в реальность.

Этот вопрос – лакмусовая бумажка для каждого потенциального кавалера, один из важнейших в ее жизни. От волнения Грета начала слегка косить на один глаз (впрочем, это вполне могло сойти за игривый элемент флирта), но ответ ее интересовал всерьез. Она замерла в ожидании, будто речь шла о самой страстной и запретной тайне во вселенной.

К ее радости, Аполлон, как она его про себя называла, тоже оказался любителем чтения, хотя и предпочитал приключения. Грета не растерялась и тут же принялась красочно описывать свои недавние «приключения» в супермаркете, где обнаружила невероятные скидки на шоколадные батончики.

– Боже, это было захватывающе! – воскликнула она, прижимая к сердцу ярко-синюю сумочку, словно в ней хранилось истинное сокровище.

В порыве воодушевления она добавила:

– Мущина – он ведь как шоколад: должен быть вкусным и тающим!

Грета мечтательно закатила глаза и вздохнула, переполненная эмоциями. Ее рассказ был настолько живым, что молодой человек, с трудом сдерживая смех, заметил:

– У вас удивительный талант превращать обыденные вещи в нечто магическое. Это поразительно!

Прощались они, уже договорившись о новой встрече. Уходя, Грета чувствовала, как ее сердце бьется в унисон с ритмом вселенной. На следующее утро она только и делала, что планировала их будущее свидание, набрасывая в голове сценарий глубокой беседы о философии любви.

А еще она решила непременно угостить его теми самыми батончиками, чтобы добавить встрече капельку интимности. Предвкушая этот особенный момент, она нежно погладила кожаный бок своей сумочки. Там, среди мелочей, уже ждал своего часа шоколад, купленный на той самой знаменательной распродаже.

Параллельно со сборами Грета вступила в ожесточенную полемику со своей шляпкой. Та проявляла небывалую строптивость: на все разумные аргументы хозяйки аксессуар отвечал молчаливым неповиновением. Впечатлительную Грету это доводило до исступления – она решительно не могла переспорить неодушевленный предмет.

– Ты что, с ума сошла? – возмущалась она, глядя в зеркало. – Ты же совершенно не подходишь к этому платью!

Обычно «болтливый» аксессуар на этот раз хранил высокомерное молчание. Грету это бесило еще сильнее – ей казалось, что шляпка откровенно над ней насмехается.

– О, решила меня игнорировать? Не выйдет! – не унималась она. – Учти, у меня огромная коллекция, ты в моем гардеробе далеко не единственная!

Шляпка, казалось, лишь нахмурилась в ответ.

– Ладно, – вздохнула Грета, пытаясь сменить гнев на милость, – я не хочу ссориться. Но пойми: в тебе я выгляжу так, будто собралась на вечеринку для пингвинов!

Отсутствие реакции спровоцировало настоящую истерику.

– Все, ты меня довела! – отрезала Грета. – Отправляю тебя в шкаф!

Она принялась распаковать один шкаф за другим. Полки ломились от уникальных головных уборов, и поиски достойной замены заняли несколько минут.

– А, вот ты где! – торжествующе воскликнула она, извлекая на свет другой экземпляр. – Ты ведь не будешь со мной спорить, дорогая?

Новая избранница молчала, но выглядела весьма дружелюбно.

– Отлично! – Грета просияла и с нежностью взглянула на обновку. – Ты просто мечта!

Примерив ее перед зеркалом, она довольно поправила поля:

– Вот это другое дело! Теперь я выгляжу как королева, а не как гостя из Антарктиды.

Грета улыбнулась своему отражению, искренне надеясь, что остальные шляпки в шкафу не слишком изнывают от ревности.

Итак, Грета вышла победительницей в этой дуэли, а триумф требовал достойной награды. Она с почти религиозным трепетом извлекла шоколадный батончик – для нее это был не просто десерт, а таинственный артефакт, способный пробудить самые сокровенные желания.

Грета медленно, смакуя каждый звук, развернула шуршащую обертку. Мягкий блеск шоколада буквально загипнотизировал ее. Когда первый кусочек начал таять на языке, по телу пробежали волны наслаждения, похожие на мимолетные, дразнящие прикосновения. В этот миг сладость стала для нее символом запретной страсти, разжигая тот самый внутренний огонь, который она так тщательно пыталась скрыть от посторонних глаз.

Вот так и жила-была-не-туда-ехала мадемуазель Грета, превращая каждый божий день в мини-спектакль, в котором даже самые обыденные вещи преобразовывались в источник смеха и вдохновения. Ее эксцентричность и легкая истеричность лишь добавляли жизни колорита, делая каждый миг незабываемым.

Черный кот

Мадемуазель Грета – женщина исключительная. Обладая натурой впечатлительной и страстной, она умудряется превращать любой пустяк в грандиозный спектакль. Ее жизнь – сплошное шоу, а манера драматизировать столь же эффектна, как алые губы, яркие волосы или эксцентричные наряды. Грета убеждена: каждое ее появление на публике должно становиться событием. И, надо признать, часто ей это удается.

В тот день мадемуазель собиралась к психологу. Такие визиты для нее уже стали рутиной, но верность амплу взяла верх. Она выпорхнула из дома, напоминая яркую бабочку. Облегающее платье мятного цвета с асимметричным подолом игриво колыхалось при каждом шаге. Ткань, конечно же, подавала голос:

– Эй, Грета! Я ведь сижу в обlipкy! Не вздумай выпячивать животик, иначе я просто лопну!

Грета лишь понимающе улыбнулась. Она была полна энергии и чувствовала себя великолепно.

Ее экстравагантная шляпка из алого фетра в форме экзотического цветка мгновенно приковывала взгляды. Воздушные перья и искрящиеся на солнце стразы добавляли образу налет театрального волшебства. На ногах сверкали сандалии с броскими пряжками, а тонкие браслеты на щиколотках вызвали «мелодию лета», дерзко споря с остальным гардеробом:

– Платье и шляпа, вы, конечно, чудо как хороши. Но без нас Грета – лишь очередная модница. А с нами – настоящая дива!

Завершал ансамбль прозрачный зонт с попугаями. Этот аксессуар едва ли спасал от солнца, зато виртуозно исполнял роль декорации. Нарисованный попугай всюду кричал прохожим:

– Спокойно! Я здесь исключительно для антуража!

И вот мадемуазель Грета торжественно вышагивает по тротуару, вдыхая свежий воздух, готовая покорить этот мир...

Но проходит всего четверть часа, и Грета уже летит обратно, прижимая шляпку к груди. Соседи в оцепенении: никто и никогда не видел, чтобы эта дива передвигалась галопом. Словно Форрест Гамп в юбке, она проносится мимо замерших прохожих. Вся улица застыла в ожидании: по встревоженному лицу и сбиту дыханию мадемуазели ясно – произошло нечто экстраординарное.

К крыльцу Грета подлетает вконец изможденная, с безумным блеском в широко распахнутых глазах.

– Что стряслось, Грета? – ехидно поинтересовалась соседка, наблюдая за этим перформансом. – Неужели вышел закон, запрещающий твои любимые шляпки?

Она смотрела на мадемуазель с плохо скрываемым любопытством.

– Как запретили? Кто посмел?! – в ужасе выдохнула Грета, но тут же осеклась: – Ты ведь шутишь?

– Конечно, шучу. Но ты не переживай: если шляпки объявят вне закона, просто побрейся налысо. Внимание публики и экономия на парикмахере тебе гарантированы!

– Да ну тебя! – возмутилась героиня, едва не задохнувшись от негодования. – Сама стригись! Тут беда посерьезнее: мне дорогу перешел черный кот с пустыми ведрами!

В ее голосе прорезалась неподдельная паника. Соседка на мгновение лишилась дара речи. Она привыкла к эксцентричности подруги, но это заявление выходило за рамки даже «гретовских» стандартов.

– Кот? С ведрами? – переспросила она, едва сдерживая смех. – Милочка, это же просто животное!

– Черный кот! – патетично уточнила мадемуазель. – И ведра у него были абсолютно пусты! Нет, ты не смейся! – воскликнула Грета, указывая дрожащим пальцем в сторону соседней улицы. – Он шел с таким видом, будто точно знал, что делает!

Соседка невольно проследила за взглядом Греты, а та, подстегиваемая собственным воображением, продолжала живописать:

– Представляешь, этот зверь замер у края дороги, – шептала мадемуазель, – и, как примерный пешеход, посмотрел сначала налево, потом направо!

Соседка скептически приподняла бровь, но Грета, чья жестикуляция становилась все более эксцентричной, уже вошла в раж:

– И стоило мне сделать шаг навстречу, как он рванул наперерез! А ведра... они были крошечные, пластмассовые, из детского набора. И он тащил их прямо в зубах!

На этот раз соседка лишь молча покачала головой, пытаясь осознать масштаб абсурда.

– Это действительно... специфическое зрелище, – выдавила она из себя.

– Специфическое?! – вскричала Грета. – Это беспрецедентно! Я никогда не видела ничего подобного!

– Может, это просто кот-оригинал, склонный к играм? – робко предположила подруга.

– Нет, это не просто кот! – отрезала впечатлительная мадемуазель. – Он особенный! Это знак!

Тут соседка не выдержала и расхохоталась:

– Помилуй, Грета, что в этом пугающего? Это же просто цирк на лапках!

Мадемуазель посмотрела на нее с тем самым полубезумным блеском в глазах, который обычно предвещал грандиозную тираду:

– Ты не понимаешь! Это же фатальное комбо! Черный кот, перебегающий дорогу – классическое предзнаменование краха. Веками люди передают этот священный трепет перед темными силами из поколения в поколение, – Грета воздела руки к небу, – и пусть скептики называют это суеверием, но осторожность еще никому не вредила. Лучше вернуться домой, чем идти навстречу судьбе!

Она сделала эффектную паузу и добавила уже тише, с горьким знанием дела:

– Знала я одного черного кота... Воплощение типичного мушины. Сутками лежит на диване и сверлит тебя взглядом, будто ты ему по жизни должна. А тут еще и пустые ведра! О, я слишком хорошо знаю эти ведра... Они в точности как мушины!..

Однако на этом очередной «мушинизм» оборвался – Грету внезапно захлестнула новая волна фантазий. Пустые ведра в ее воображении перестали быть просто пластиковой игрушкой; они начали манить ее, обещая запретные удовольствия и игривые шалости.

В своих грезах экзальтированная мадемуазель уже наполняла их не банальной водой, а искрящимися мечтами и страстными желаниями. Эти желания, подобно горячим каплям, стекали по ее коже, оставляя за собой возбуждение и томительную нежность. Холодный и безжизненный пластик оживал, превращаясь в символ сладострастной игры, где каждый жест был полон скрытого смысла, а каждое прикосновение обжигало.

Звонкий смех подруги бесцеремонно вырвал Грету из этого транса:

– Полно тебе, Грета! Это же просто глупое суеверие. Что такого может случиться?

Мадемуазель лишь трагично развела руками, на ее лице снова воцарилась тревога.

– Все что угодно! – воскликнула она. – Я кожей чувствую: меня ждут роковые потрясения на любовном фронте. Теперь я просто не знаю, как жить дальше!

Подруга, продолжая посмеиваться, решительно потянула мадемуазель к дверям:

– Ладно, пойдем ко мне разбираться. Для начала – кофе. Это лучшее лекарство: он согреет, взбодрит и поможет сосредоточиться. А уже потом решим, что делать с твоим странным зверем и его багажом.

Грета еще немного колебалась, пытаясь удержать в голове путающиеся мысли, но уютное обещание кофе принесло долгожданное облегчение. В конце концов, даже мистический абсурд – отличный повод для долгой беседы. Нужно лишь позвонить психологу и перенести встречу. Горячий напиток вполне заменит сеанс терапии, а заодно подарит Грете новые силы для совершения еще более безумных и блистательных поступков!

Волейбольная романтика

Мадемуазель Грета – натура восторженная, а оттого склонная к эффектным истерикам. Ее тяга к разнообразию в постели носит специфический характер: она никогда не засыпает в одной и той же сорочке дважды.

Однажды эта страсть довела ее до нервного срыва – Грета умудрилась поссориться с единорогом. Не с настоящим, разумеется, а с тем, что был вышит на груди ночнушки. Настроение было безнадежно испорчено, будто из кошелька стащили крупную купюру.

Все началось в зыбкий час пробуждения, когда мир еще полон магии. Сверкающий зверь на ночной рубашке манил в сказку, но Грета почувствовала подвох. В груди закипало негодование: почему он так самодовольно скалится? К чему эта вульгарная яркость?

Когда ей показалось, что единорог подмигнул, Грета окончательно пала духом. Ткань шуршала, а в глазах нарисованного чудовища читалось нечто пугающе живое.

Впрочем, бог с ним, с единорогом. Куда интереснее были ежедневные выходы мадемуазели в ее ослепительных нарядах. Она купалась в чужих взглядах, принимая их за искреннее восхищение, хотя на деле за ее спиной порой звучал лишь ироничный смешок. Грета не замечала насмешек – ей жизненно важна сцена, и ради этого внимания она готова превратить свою жизнь в вечный карнавал.

В тот день мадемуазель напоминала павлина, решившего взять штурмом городские улицы. Цель неизменна – охота на принца, но с эксцентричностью Грета явно перегнула. Она облачилась в платье цвета спелого манго с юбкой такой пышности, что фетровые цветы на ней казались живыми и готовыми вот-вот пуститься в пляс.

Венцом образа стала шляпа в форме гигантской клубники с кокетливо свисающим набок зеленым листком. Прохожие замирали в недоумении, и даже головной убор взмолился:

– Грета, осторожнее! Я не хочу превратиться в клубничное смузи на асфальте!

Не замечая насмешек, мадемуазель гордо вышагивала на розовых платформах, превращая каждый шаг в мини-спектакль. В руках она сжимала сумку-пряник, из которой выглядывал плюшевый пингвиненок – полноправный участник этого балагана.

– Внимание – на меня! – капризно требовал пингвин, обращаясь к толпе, хотя его слышала только Грета. А затем ехидно шептал шляпе: – О, дорогая, ты просто звезда! Прямо сейчас на обложку журнала «Овощи и фрукты», ха-ха!

Грета была выше этого сарказма. Однако стоило ей наклониться за какой-то мелочью, как хрупкое равновесие пошатнулось. Клубничная шляпа опасно накренилась и словно подмигнула толпе. Зрелище было настолько комичным, что сдерживать хохот горожанам стало окончательно невозможно.

В парке внимание Греты привлекла группа волейболистов. Азартные выкрики и игра мускулов действовали на мадемуазель возбуждающе; она направилась к площадке, надеясь «впитать» их первобытную энергию. Однако триумфальное шествие прервал коварный случай: юбка зацепилась за край скамьи и с характерным треском сползла к щиколоткам. Грета, ничуть не растерявшись, одарила мир своей самой лучезарной и двусмысленной улыбкой.

Мужчины, как истинные джентльмены, бросились на выручку. Оказавшись в кольце атлетических тел, Грета поняла: это шанс. Наскоро приведя туалет в порядок, она принялась очаровывать спасителей.

– Как вас зовут, мадемуазель? – спросили они.

– Как Грету, – кокетливо ответила женщина.

– Как какую Грету? – удивились мужчины.

– Как люблю Грету, – еще кокетливее произнесла мадемуазель.

Решив окончательно покорить публику, наша героиня пустилась в путанные рассказы о своих «подвигах». Любую бытовую мелочь ее воображение раздувало до масштабов приключенческого романа. Слушать это без смеха было невозможно – ее неуклюжий пафос превращал прозу жизни в чистый фарс.

– ...И вот я на мосту, – вещала Грета, картинно вскидывая руки, – и чувствую, как ветер обволакивает меня, словно таинственный любовник! Он шепчет мне безумства, я почти теряю сознание от восторга! Это было невероятно!

Волейболисты, едва сдерживая хохот, начали подыгрывать, гадая, не собирался ли ветер сделать ей предложение. Разгоряченная внезапным успехом, Грета сияла. Она решила, что настал идеальный момент, чтобы продемонстрировать всю глубину своей «впечатлительности».

– А затем, – продолжала вещать женщина, – я вижу, как он, – она многозначительно кивнула на самого атлетичного игрока, – бросает мяч. Предмет летит стрелой, едва не задев мой висок! О, это было так... возбуждающе. Настоящий прилив адреналина!

Парни переглянулись. Было очевидно, что мадемуазель вдохновенно сочиняет на ходу, но ее напор обезоруживал. Почувствовав их замешательство, Грета перешла в решительное наступление. Сократив дистанцию до минимума, она склонилась к тому мускулистому спортсмену и почти интимно прошептала свой очередной «мушенизм»:

– Настоящий мужчина – он как мяч. Должен быть хорошо накачан.

В глазах ее плясали безумные искорки. Окрыленная собственной метафорой, она зачистила:

– Он крепок, рельефен и заряжен энергией. Он – вечный двигатель, не знающий преград и всегда готовый к новым вызовам! Настоящего мужчину видно издали, даже если он... за углом! Всю жизнь я ищу того, кто сможет...

Ее патетическая речь повисла в воздухе. Волейболисты замерли, замороженные этим потоком абсурда и невольным напряжением момента. Казалось, сейчас последует признание века, но в этот миг чья-то неловкая подача прервала триумф: мяч с глухим звуком приземлился аккуратно на «клубничную» шляпу мадемуазели.

Грета издала пронзительный визг – так кричит кошка, которой в темноте отдалили хвост, – и, потеряв равновесие, рухнула на траву.

В момент падения в голове Греты вспыхнула шальная фантазия. Перед глазами засияла гладкая поверхность мяча, напоминающая в лучах солнца атлетическое тело, замершее в ожидании игры. Снаряд едва заметно покачивался под порывами ветра, обещая страстный матч, полный первобытной энергии.

Ей виделось, как игроки, подобно участникам ритуального танца, сплетаются в стремительном порыве. Каждый удар по мячу отзывался в ее душе томительным прикосновением. Сжатая внутри энергия ждала лишь мгновения, чтобы взмыть в небеса. Мяч был центром вселенной, символом триумфа, и каждый жаждал обладать им.

Но реальность бесцеремонно постучала в шляпу-клубнику. Очнувшись на траве, Грета увидела лишь удаляющиеся спины. Мужчины, посмеиваясь, возвращались на песок – нелепое происшествие со странной дамой лишь добавило азарта их игре.

Мадемуазель была безутешна. Ее бросили. Никто не кинулся к ногам, не умолял о свидании и даже не спросил номер телефона. Она, венец творения, проиграла конкуренцию какому-то мячу!

Путь домой был долгим и полным раздумий. Грета вновь грезилась о «роковых встречах» и «таинственных незнакомцах», отмахиваясь от скучной прозы жизни. Она так и не поняла, что настоящая магия – это не шепот ветра, а умение вовремя посмеяться над собой. Ирония оставалась для нее закрытой книгой, в то время как мир продолжал смеяться уже без ее участия.

Аутентичная китайская еда

Сила мадемуазели Греты таилась в ее кулинарных талантах. Будучи натурой экзальтированной, она ни на секунду не сомневалась в своих способностях по части готовки, хотя реальность раз за разом наносила удары по ее самолюбию. Стоило Грете взяться за яблочный пирог, как кухня превращалась в лабораторию безумного ученого: результат зачастую напоминал скорее жертву неудачного эксперимента, чем десерт.

Каждое фиаско доводило ее до иступления. В воображении тут же всплывали заголовки местных газет, смакующих ее позор, а в ушах стоял хохот всего города. В такие моменты стресс становился почти осязаемым, но мечта об идеальной выпечке продолжала теплиться в ее душе.

В тот знаменательный день Грета облачилась в алое платье с дерзким асимметричным подолом. В этом наряде мадемуазель видела себя нежным цветком, распускающимся под лучами весеннего солнца. По тончайшему шелку, колышущемуся от малейшего дуновения ветра, «плыли» вышитые золотые карпы – символы удачи. Ткань дарила ощущение абсолютной невесомости, и Грета буквально сияла, наслаждаясь собственной исключительностью.

Ее голову венчала широкополая соломенная шляпа, украшенная лентой с загадочными иероглифами. Шляпа была настолько уверена в своем превосходстве, что вела высокомерный диалог с остальным гардеробом.

– Послушай, дорогуша, – бросала она платью, – главной звездой здесь являюсь я! Без меня ты – просто кусок красной ткани.

Грета лишь загадочно улыбалась, молчаливо соглашаясь с дерзким аксессуаром: шляпа действительно придавала образу неповторимый шарм.

В руках мадемуазель сжимала изящную сумочку с искусным узором в виде драконов, а на ногах красовались туфельки с открытым носком, декорированные шелковыми цветами.

– Не ссорьтесь, девочки! – миролюбиво встревали в спор туфли. – Мы ведь делаем общее дело, создавая этот великолепный ансамбль.

И они были правы: в этом образе не было случайных деталей. Хозяйка такого наряда явно не привыкла смешиваться с толпой – она была рождена, чтобы приковывать взгляды.

Куда же держала путь наша героиня? Ее целью был крошечный ресторанчик китайской кухни. Путь предстоял неблизкий, но Грету манила перспектива прикоснуться к подлинной кулинарной магии Поднебесной. Она грезила о вкусах, способных перенести ее напрямик в Пекин или Шанхай.

Кухня заведения славилась своими поварами, о мастерстве которых Грета была наслышана. Мадемуазель искренне надеялась, что реклама не лжет и аутентичность здесь – не просто красивое слово. Жажда гастрономических открытий всегда жила в ее сердце, а подруга, посоветовавшая это место, лишь подлила масла в огонь.

– Там просто объедение! – уверяла она. – Но есть один нюанс: китайская еда – как мужчина. Вроде бы наелась до отвала, а через пару часов – снова голодная!

Грета была настроена решительно. Ей хотелось экзотики – чего-то такого, что никогда не встретишь на полках обычного супермаркета. Она и не подозревала, что ее выбор обернется настоящим испытанием, а вечер готовит сюрприз, к которому невозможно подготовиться.

Ресторан встретил ее тишиной и уютом. Под потолком покачивались красные бумажные фонарики, а в воздухе густо разлился аромат пряностей. Мадемуазель вошла, бросая нервные взгляды по сторонам. Скрипнув старым деревянным стулом, она опустилась за столик. За стеклом мерцал огнями вечерний город, но Грета была слишком взволнована, чтобы любоваться видом. Она даже не прикоснулась к меню.

Напряжение росло. Откуда-то из глубины кухни доносилось шипение раскаленных сковородок. Вдруг за соседним столиком раздался взрыв смеха – Грета вздрогнула и суетливо поправила прическу. Ей было не по себе, но манящие запахи удерживали ее на месте.

Наконец к ней подошел официант. Его широкая улыбка была явно адресована ее эффектному наряду в китайском стиле.

– Скажите, а вы правда настоящий китаец? – не удержалась от вопроса Грета.

– Лишь на двадцать процентов, мадемуазель, – учтиво поклонился тот.

– Любопытно... – она заинтригованно приподняла бровь. – А на остальные восемьдесят?

– А на восемьдесят процентов я, как и все люди, – вода!

Грета искренне рассмеялась. Легкая шутка разрядила обстановку, и мадемуазель, наконец, расслабилась, готовая к главному событию вечера.

– Что у вас сегодня на ужин? – поинтересовалась она, кокетливо поправив шляпу. – Из экзотики, разумеется!

В голове мадемуазели тут же всплыл старый анекдот: «Нет такой вещи, которая не могла бы служить еврейской фамилией, а китайцу – обедом».

– Как насчет лягушачьих лапок? – с невозмутимым видом предложил официант.

– Вы шутите? – ахнула Грета.

– Шучу, – отозвался он, и оба дружно рассмеялись.

Однако парень тут же понизил голос до заговорщического шепота:

– Но мы можем предложить вам нечто особенное. Суперэкзотическое ассорти под названием «Мечта кошки». В этой тарелке собрано все... включая «живые» деликатесы.

Его глаза таинственно блеснули. Впечатлительная Грета почувствовала мощный прилив адреналина. Жажда приключений пересилила осторожность, и она, сгорая от волнения, сделала заказ.

Вскоре перед ней водрузили гигантскую миску. Зрелище было не для слабонервных: в густом соусе активно извивались и копошились разнообразные морские и сухопутные создания. Мадемуазель на мгновение лишилась дара речи.

«Что ж, название не врет – любая кошка сошла бы с ума от счастья», – пронеслось в ее голове.

Сделав глубокий вдох и призывая на помощь все свое мужество, Грета решила: назад пути нет. Это уникальный опыт, и она должна довести дело до конца. Дрожащими пальцами она выудила из миски крошечного осьминога. Моллюск, явно не разделявший ее энтузиазма, тут же предпринял попытку к бегству.

– Не волнуйся, дружок, я тебя не съем! – нервно хихикнула Грета, хотя сама знала, что безбожно врет.

Осьминог, словно почувствовав подвох, устроил усилия. Его склизкие щупальца бешено извивались, пытаясь присосаться к ее холеным пальцам. Мадемуазель, теряя терпение и остатки светского лоска, вскрикнула:

– Эй, ты куда?! Вернись сейчас же!

В тот момент, когда она пыталась обуздать строптивый деликатес, к столику вновь бесшумно подошел официант. На его лице играла довольная, почти философская улыбка.

– В китайской кухне все предельно честно, мадемуазель, – заметил он, наблюдая за борьбой женщины и морепродукта. – Либо вы успеваете съесть еду, либо еда успевает схреначить вас. Простите за мой французский!

Мадемуазель замерла, не зная, как реагировать на дерзкое замечание официанта. Тот продолжал невозмутимо улыбаться, и ситуация окончательно провалилась в зону сюрреализма. Пока осьминог отчаянно извивался в ее пальцах, Грету осенило: это шутка. Возможно, не самая изящная, но все же игра.

Сменив гнев на милость, она решительно вооружилась палочками. Началась настоящая дуэль. Моллюск, осознав, что на кону стоит его жизнь, проявил невероятные способности к акробатике. Он был быстр, ловок и скользок – настоящий мастер уклонения.

Прошло несколько минут напряженной борьбы, и Грета почувствовала, как внутри закипает привычная истерика. Однако в какой-то момент точка кипения была пройдена, и на смену раздражению пришло странное, гипнотическое оцепенение.

Она отложила приборы и затаила дыхание.

Теперь на тарелке перед ней был не просто ужин, а живое произведение природного искусства. Щупальца осьминога, покрытые переливающейся, словно влажный атлас, кожей, двигались с пугающей грацией. Касаясь поверхности фарфора, они оставляли блестящие влажные следы, похожие на тайнопись. Грета не могла оторвать взгляд; она была буквально заворожена этим ритмичным танцем.

В каждом движении крошечного существа ей виделось нечто большее – напоминание о том, как легко потеряться в водовороте необузданной страсти. Маленькие глаза-бусины, искрящиеся холодным звездным светом, казалось, смотрели ей прямо в душу. В этом взгляде смешались реальность и фантазия, а границы между ними начали медленно таять, оставляя лишь сладкое предчувствие чего-то неизведанного.

Впечатлительная мадемуазель медленно зажмурилась. Она начала дышать глубоко и размеренно, чувствуя, как на смену буре эмоций приходит ледяное спокойствие. Оно окутывало ее, словно тяжелый плед из мягчайшего меха, отгораживая от суеты ресторана и собственного страха перед неудачей.

Затем Грета жестом подозвала официанта.

– Знаете, я, пожалуй, выберу что-нибудь менее... темпераментное, – произнесла она, стараясь не смотреть на миску. – Как насчет пельменей? Слышала, именно Китай – их историческая родина.

– Китай – родина почти всего на свете, – с нескрываемой гордостью отозвался тот. А затем добавил с лукавой искоркой в глазах: – Наш шеф готовит особенные цзяоцзы с сюрпризом – внутри живые креветки. Это незабываемый вкус! Желаете рискнуть, мадемуазель?

«Снова живые?» – Грета уже не знала, смеяться ей или плакать. Она лишь изнуренно покачала зовущей к спокойствию шляпой.

– Пожалуй, остановимся на обычном рисе и чае, – решительно выдохнула она. – Пусть это будет моим «островом безопасности». Пожалуйста, никаких сюрпризов, я просто хочу поужинать. А «Мечту кошки»... заверните мне с собой. Хочу устроить проверку на прочность своим подругам!

– Будет исполнено, мадемуазель, – официант отвесил легкий поклон. – Если у вас найдется немного времени, я с удовольствием проведу для вас настоящую чайную церемонию. А то я насмотрелся на местные традиции: здесь вся «церемония» сводится к ожиданию, пока закипит чайник. Кстати, рис и чай тоже родом из Поднебесной. Как и сама улыбка!

Он улыбнулся так широко и искренне, что Грета невольно ощерилась в ответ. Официант исчез в недрах кухни, оставив ее наедине со своими мыслями.

Мадемуазель Грета глубоко вздохнула. Ее взгляд упал на изящную сумочку с драконами, за которую она отдала немалую сумму в бутике. На внутреннем шве она вдруг заметила крошечную, едва различимую нашивку: «Made in China». Похоже, мир Греты сегодня окончательно стал вращаться вокруг одной очень древней и очень хитрой страны.

Казанова

Мадемуазель Грета была особой столь впечатлительной, что любая мелочь могла выбить ее из колеи. Ее чувства менялись с калейдоскопической скоростью: только что она безутешно рыдала над упавшим в пыль мороженым, искренне оплакивая и лакомство, и незадачливого владельца, а мгновение спустя уже заливалась звонким, заразительным смехом, завидев случайного прохожего, споткнувшегося о кошку.

Впрочем, капризная фортуна ее настроения порой играла в обратную сторону: падение рожка вызывало у нее приступ веселья, но стоило кому-то задеть хвостатого пешехода, как Грета тут же заливалась горячими слезами. Настоящая «женщина-эмоция» – яркая, непредсказуемая и вечно удивляющая окружающих своей парадоксальной натурой.

В тот памятный день на ней было облако из нежнейшего фиолетового шифона. Платье кокетливо облегалo фигуру, стянутое на талии широким черным поясом с изысканной золотой пряжкой.

– Ну, как вам моя воздушность? – горделиво вопрошало платье. – Я словно легкое облачко, только что сошедшее с небес!

– Облачко, говоришь? – иронично парировал пояс, буквально распираемый чувством собственной важности. – Не забывай: я здесь на страже. Без моей дисциплины ты бы просто рассыпалась!

Этот гармоничный наряд венчала великолепная шляпа, украшенная цветами и пышными перьями, которые игриво танцевали на ветру, приковывая взгляды прохожих – впрочем, именно на это и был расчет. Дополняли ансамбль ярко-желтые туфельки на головокругительной шпильке.

– Мы – главные звезды этого шоу! – самодовольно цокали они по мостовой. – Каждый наш шаг – мелодия. Щелк-щелк! Оборачивайтесь же, мы этого достойны!

Грета кожей чувствовала на себе восхищенные взгляды. Для нее выйти в свет без эпатажного наряда было равносильно прогулке нагишом – одежда служила ей не просто защитой, а самой сутью ее бытия.

В руках она сжимала изящную сумочку в форме сердца, которая переливалась всеми цветами радуги, словно пойманный в ловушку бензиновый блик.

– О, дорогие мои, – нежно шептал аксессуар остальным деталям туалета, – вы, безусловно, эффектны, но только я храню ее сокровенные тайны. Я – ее маленькое переливчатое сердце, полное радости и стиля!

Над головой мадемуазели распускался прозрачный купол зонтика с дерзким принтом, который, казалось, аккумулировал солнечный свет даже в тени. Зонт и сумочка пели в унисон, создавая тот самый неповторимый дуэт, что превращал обычную прогулку в театральный выход.

Внезапно в аллеях парка показался он – юноша с весьма соблазнительной улыбкой.

«Мущина – он ведь как улыбка, – пустилась в мгновенную философию Грета. – Иногда согревает душу, а иногда... пугает кривизной зубов».

Пульс впечатлительной особы предательски участился. Закатив глаза, она уже видела себя в страстных объятиях самого Казановы, о чьих похождениях когда-то читала в запретных романах. Мир вокруг замер, а шаловливый ветерок принялся нашептывать ей на ухо самые нескромные желания. Вдохновленная этим приливом чувств, Грета поняла: нужно действовать немедленно, ведь на кону стояла сама Судьба!

В ее голове промелькнула шальная мысль: не броситься ли домой, чтобы сменить наряд на нечто еще более сокрушительное? У нее как раз имелось платье с таким вызывающим декольте, что смотреть в зеркало было страшно даже ей самой. Но время... Грета давно вывела

парадокс: время всегда летит быстрее, чем течет. Промедление было смерти подобно – ее парковый Казанова мог просто раствориться в закатных лучах, так и не узнав о своем счастье.

Мадемуазель опустила на скамью, позволив солнечным лучам затеять игривую чехарду в своих волосах. «Нужно хотя бы обновить губы», – решительно постановила она.

В руках появилась помада цвета спелой вишни. «Сегодня определенно день для грехопадения, – пронеслось в голове, пока сердце выстукивало дробь. Грета бросила быстрый взгляд на незнакомца, стоявшего поодаль. – Он что, слеп? Или у него фатальная аллергия на очаровательных женщин? Какой же это Казанова, если он до сих пор не у моих ног?»

Как известно, сильнее всего женщин задевают именно те мужчины, которые совершенно не собираются этого делать!

Прильнув к карманному зеркальцу, Грета открыла золотистый футляр. Помада пахла сладостями и предвкушением. Движения ее были точны и изящны, будто она писала шедевр на холсте: легкий штрих по верхней губе, уверенный мазок по нижней – и вот уже ее рот сияет, точно драгоценный рубин. Мадемуазель кокетливо улыбнулась своему отражению. На нее смотрела настоящая фея. Послав воздушный поцелуй пустоте, она тихо рассмеялась:

– Даже если он не падет жертвой моих чар, я, по крайней мере, буду выглядеть как суперзвезда на премьере.

Но червь сомнения уже подтачивал ее уверенность. Может, стоило добавить блесок? Или сразу подойти, броситься в этот омут с головой без лишних прелюдий? Грета вскинула голову. Незнакомец все так же не замечал ее присутствия. Зато с соседней скамьи на нее пялились какие-то парни – весьма сомнительные личности, чья заурядность буквально оскорбляла эстетические чувства мадемуазели. Дальше – хуже.

«О боже! – внутренне вскричала Грета, когда ее Казанова вдруг повернулся к какой-то блондинке с книгой. – И с какой это стати джентльмены предпочитают именно светловолосых? Посмотрите-ка на нее – блондинка с книгой! Какая нелепая декорация! Терпеть их не могу. Одно радует: наука говорит, что лет через двести вас, «натуральных блондей», на планете просто не останется!»

Соперница тем временем одарила «Гретиного» мужчину улыбкой. Мир нашей героини пошатнулся.

«Надо было действовать, а я возилась с этой чертовой помадой!» – корила она себя, лихорадочно перебирая рыжие локоны и соображая, как отвоевать внимание своего призрачного трофея.

Грета в последний раз взглянула в зеркальце. На нее взидала не просто мадемуазель, а настоящая богиня любви, сошедшая с Олимпа напрямик на парковую аллею. Уверенность переполняла ее, но ровно через секунду испарилась, уступив место паническому трепету. Теперь каждый прохожий казался ей строгим инквизитором от мира моды. А те двое парней на скамье... они определенно смеялись над ней! Ну конечно, над кем же еще в этом парке можно смеяться с таким упоением?

Началось мучительное ожидание. Первые пять минут пролетели как миг, вторые растянулись в бесконечность, а третьи, казалось, и вовсе решили остановить ход истории. Грета нервно терзала ремешок сумочки, балансируя на грани экстаза и отчаяния.

И тут Казанова двинулся прочь. Допустить его исчезновение было выше ее сил! Забыв о грации, мадемуазель вскочила и бросилась наперерез судьбе с прытью раненой лани. Увы, стремительность сыграла с ней злую шутку: туфелька предательски скользнула, и Грета с голливудским размахом обрушилась в объятия... грязной лужи. Фонтан мутных брызг эффектно довершил образ.

– О господи! – взревела она голосом подстреленной примадонны. – Мое платье! Я же взяла его в прокате! А прическа?! Моя прическа превратилась в гнездо утопленницы!

Катастрофа была абсолютной. Под прицелом десятков любопытных глаз Грета была готова отречься от всех принцев мира, лишь бы земля разверзлась под ее промокшими туфельками. В довершение позора какая-то чопорная дама с соседней аллеи ледяным тоном заметила: – Мадемуазель, к чему эти вопли? Вы, в конце концов, не в постели!

Лужа оказалась на редкость глубокой, и в ее зеркальной глади, точно в дорогой раме, отражалась бездонная небесная синева. Мокрый шифон, ставший предательски прозрачным, плотно облепил тело мадемуазели, бесстыдно подчеркивая каждый изгиб. В колыхании грязной воды эти контуры казались частью какого-то причудливого подводного танца.

Грета выглядела нелепой и в то же время невероятно манящей. Вода, словно живое существо, ластилась к ее ногам, нашептывая нескромные обещания, а капли, сбегавшие по коже, оставляли искристые следы, похожие на прикосновения невидимого любовника.

Весь мир вокруг замер, и лишь приглушенные звуки природы окутывали ее нежной лаской. В этот миг позора Грета вдруг почувствовала себя по-настоящему живой – она впитывала прохладу воды и странное тепло, наполнявшее душу.

Услышав вопль, Казанова резко обернулся. Перед ним предстало незабываемое зрелище: растрепанная дама в немыслимой шляпе, чье лицо превратилось в абстрактное полотно из потекшей туши и вишневой помады. Мужчина не выдержал и расхохотался – искренне и громко.

Впечатлительная мадемуазель, мгновенно придя в себя, величественно подняла голову. С достоинством королевы в изгнании она поднялась из своей «купели» и бросила через плечо: – Не обольщайтесь, сударь! Это была лишь репетиция завтрашней театральной сцены.

С того памятного дня все переменилось. Теперь при каждой встрече Казанова неизменно подмигивал ей с доброй иронией. И хотя Грета каждый раз чувствовала себя неловко, будто шифон ее платья все еще был мокрым от той лужи, в глубине души она была абсолютно довольна. Ведь даже в грязи ей удалось произвести неизгладимое впечатление – а для настоящей женщины это и есть самый сладкий триумф.

Дом с привидением

Мадемуазель Грета – натура исключительная. Она ненасытна в постели: способна про-спать и двенадцать часов, и все шестнадцать – сушая кошка! Благо ни той, ни другой спешить на работу не нужно.

Эта впечатлительная особа с богатой фантазией и тонкой душевной конституцией обо-жает истории. Грета и сама мастерски плетет словесные кружева, и других слушает с упоением, особенно если речь заходит о привидениях и иных потусторонних сущностях. Правда, до сих пор мир теней оставался для нее неразгаданной тайной – лично она с ними не сталкивалась.

Впрочем, Грета частенько слышит странные шаги в недрах своих шкафов. Поначалу она пугалась, но вскоре догадалась: это ее наряды потихоньку выходят... из моды!

«Идеальный мужчина – он как призрак, – философствовала мадемуазель. – Все о нем слышали, кто-то даже видел, но в руки он пока никому не дался!»

Однажды Грета решает провести ночь в заброшенном доме на окраине города. Говорят, там обитает неупокоенная душа юного поэта. Образ таинственного юноши не дает ей покоя: она уже представляет, как он будет нашептывать ей стихи.

Разумеется, идти туда страшно до дрожи в коленях. Но поэт манит ее, словно наваждение. Чувствуя, что это свидание неизбежно, Грета решается на авантюру. Ночь в старых стенах обещает быть фатальной, и мадемуазель готова встретиться со своим призраком лицом к лицу. По крайней мере, ей так кажется.

Для своей вылазки она выбирает ярко-красное платье с пышной юбкой, напоминающее распутившийся мак. Голову венчает экстравагантная шляпа-цветок, усыпанная перьями и стразами. Талию туго перехватывает черный бархатный пояс, который гордо заявляет: «Эй, я здесь главный! Без меня этот наряд превратился бы в бесформенный алый хаос».

Запястья Греты закованы в массивные браслеты с разноцветными камнями. Они искрятся и мелодично перезванивают при каждом жесте, превращая движения в маленький живой концерт. Кажется, украшения подначивают ее: «Давай, смелее! Покажи им всем, на что ты способна!» И Грета, чувствуя эту поддержку, решительно шагает вперед под аккомпанемент собственного сияния.

На ногах – элегантные черные туфли на платформе и прозрачные чулки, по которым вьется узор виноградной лозы, придающий походке особую грацию. В руках мадемуазель сжи-мает изящную сумочку с искусной вышивкой. Она едва заметно покачивается в такт шагам, шепча при этом: «Не забывайте про меня, ведь я храню все секреты своей хозяйки». Каждый элемент этого образа – не просто деталь, а верный союзник, работающий на эффектное появ-ление.

И вот Грета на месте. Старинный особняк на холме встречает ее сеткой трещин и зако-лоченными окнами. Сквозь провалы в крыше видна пустота, лестница утопает во мху, а оди-чавший плющ душит фасад. В воздухе, пропитанном запахом сырости и забвения, тоскливо поскрипывает входная дверь. Особняк выглядит пугающе таинственным, но впечатлительная мадемуазель не намерена отступить.

Грета медленно толкает тяжелую дверь. Внутри – густой полумрак и прохлада, окутыва-ющая плечи невидимой пеленой. Половицы жалобно стонут под ногами, и кажется, будто за спиной кто-то крадется след в след.

– Ага, дух начинает проявляться! – шепчет экзальтированная мадемуазель, пока сердце чечеткой бьется о ребра, стремясь вырваться на волю.

Она пускается в странствие по заброшенным коридорам, заглядывая в пустые глазницы комнат. В одной из них Грета замирает перед старинным зеркалом, покрытым седой пылью. Вглядываясь в свое отражение, она внезапно ловит чужое присутствие за плечом. Резкий обо-

рот – но в комнате лишь звенящая тишина. Впечатлительная натура рисует странные образы в зеркальной глубине, и по спине пробегает предательский холодок.

– Наверняка это он... поэт! – выдыхает она, и новый порыв ледяного сквозняка подтверждает ее догадку.

Внезапный шорох за углом заставляет Грету вскрикнуть. Поддавшись инстинкту, она влетает в ближайшую комнату и лихорадочно запирает дверь. Пытаясь унять дрожь и перевести дух, мадемуазель решает: пора прибегнуть к проверенному средству. Вино – вот что вернет храбрость и, чего таить, окончательно развяжет крылья воображению.

Опустившись на пыльный остов старого дивана, Грета достает заветную фляжку. Несколько глотков теплой, сладкой влаги разливаются по телу приятным жаром.

Неожиданно Грета вздрагивает: чье-то эфемерное прикосновение едва ощутимо ложится на ее плечо. Она резко оборачивается, но видит лишь зыбкую, ускользающую тень. Впрочем, для ее пылкого воображения этого достаточно – перед ней ОН. Тот самый поэт, решивший наконец явить себя миру.

– О, мой герой! – восклицает она, и голос ее дрожит от восторга и надежды. – Ты пришел!

Тень будто отвечает ей едва уловимым шепотом, от которого пульс мадемуазели пускается вскачь. Охваченная экстазом, Грета начинает кружиться в танце, словно в ином, сказочном измерении. В ее фантазиях они вместе слагают великие строки. Изящный силуэт скользит рядом, едва касаясь ее кожи невидимыми, волнующими линиями. Весь мир вокруг растворяется, оставляя лишь этот мистический дуэт.

Однако Грета так увлечена своим потусторонним романом, что не замечает внимательного взгляда из-за старого шкафа. Там, затаившись, сидит кошка неопределенной породы и причудливого окраса. С азартом хищника она следит за колеблющимся подолом алого платья. В гетерохромных глазах мурлыки горит огонь охоты: она полна энергии и вот-вот совершит свой решающий прыжок. Пока Грета парит в облаках, пушистая засада готовится вернуть ее на землю.

В этот миг шестое чувство, которое у Греты обычно локализуется то в экстравагантной шляпке, то в каблучках, заставляет ее обернуться к шкафу. Заметив там светящиеся глаза, мадемуазель издает визг такой силы, что стены старого особняка испуганно вздрагивают.

– Привидение! Демон! – истошно вопит она.

В припадке паники Грета мечется по комнате, не в силах сразу отыскать выход, и наконец пулей вылетает на улицу. Отбежав на приличное расстояние, она замирает, тяжело дыша, но тут замечает: какая-то тень стремительно преследует ее! Мадемуазель снова срывается на бег, надеясь спастись, но преследователь оказывается быстрее. Тень настигает беглянку и вдруг... начинает жалобно мяукать.

Грета застывает на месте. Перед ней, задрав хвост, стоит та самая пестрая кошка – совершенно земная, очаровательная и, судя по всему, очень одинокая. Сердце впечатлительной женщины мгновенно оттаивает. Понимая, что не может бросить это пушистое создание в покинутом доме, она решает забрать «призрака» с собой. И это, пожалуй, было самым верным решением за всю ночь.

Она осторожно берет кошку на руки, и та отвечает благодарным мурлыканьем. Домой они возвращаются уже вместе. В уютном Гретином жилище Кики – именно такое имя получила новая подруга – быстро осваивает территорию, заглядывая в каждый угол.

Теперь они неразлучны. Мадемуазель и ее маленькая Кики вместе играют, вместе спят по шестнадцать часов кряду и абсолютно счастливы. Ведь, в конце концов, живая кошка в доме гораздо лучше, чем самый идеальный поэт-призрак.

Новый семейный статус

В душе мадемуазели Греты впечатлительность скопилась в избытке, что неизбежно обращивается для нее чередой нескончаемых приключений. Далеко не все они приятны. Стоит кому-то отвесить Грете комплимент, как в ее душе поднимается настоящая буря.

Услышав, например, что она «выглядит как богиня», мадемуазель сразу же теряется. Секундная вспышка радости быстро сменяется едкими сомнениями: а не насмешка ли это? Или, быть может, у собеседника просто критически плохое зрение? Эти мысли преследуют ее, превращая каждое доброе слово в суровое испытание и внутренний конфликт.

«Мой избранник идеален, – вздыхает иногда Грета. – За вычетом одной детали: его пока не существует».

В неудачах на личном фронте она винит исключительно звезды. Будучи фанаткой астрологии, Грета одно время даже всерьез выясняла, не проводят ли современные клиники операции по... смене знака зодиака. А как иначе объяснить отсутствие супруга или ухажера? Даже домашнего питомца на тот момент не было. Пока вакантные места в ее сердце занимали лишь подруги, которых она терпеть не могла.

В тот день она ждала их в кафе. В облике впечатлительной мадемуазели на этот раз не было ничего примечательного, кроме одной детали – недавно купленной сумочки. Бархатный аксессуар в ее руках переливался разными оттенками, от солнечно-желтого до глубокого изумрудного, напоминая волшебный калейдоскоп. Этот яркий акцент, приковывавший взгляды прохожих, стал предметом особой гордости Греты.

Вышивка на сумочке поражала воображение: причудливые узоры и экзотические цветы казались живыми – они будто затеяли на бархате бесконечный танец, гипнотизируя случайного наблюдателя. Изысканности добавляли золотистые цепочки; их металлические звенья так искрились на свету, что мадемуазель невольно ощущала себя владелицей королевского артефакта.

Внутри же скрывался уютный мир, обитый мягким атласом – идеальное убежище для настоящих женских сокровищ и личных тайн. Впрочем, была у сумочки еще одна особенность: она была говорящей. Правда, эксклюзивное право на прослушивание этих бесед принадлежало исключительно Грете. Вот и сейчас мадемуазель невольно подслушала внутренний диалог своих вещей.

– Слушайте, ребята, – прошелестела атласная подкладка, – по секрету: я слышала, Грета собирается доверить мне нечто крайне важное!

Узоры на вышивке так и заерзали от любопытства:

– Что-то важное? Неужели новый блеск для губ?

– Или конфеты! – мечтательно звякнула одна из цепочек. – Обожаю сладости!

– Только бы не очередной магазинный чек, – страдальчески вздохнул лоскут зеленого бархата. – Я от них уже зеленею... в смысле, больше обычного.

Вещи замолчали, единодушно признав, что чеки наводят лишь тоску. Весь ансамбль замер в предвкушении чего-то по-настоящему особенного.

А в это время в кафе царила обманчиво уютная атмосфера. Напротив впечатлительной Греты сияли, подобно сверхновым, три ее лучшие подруги.

– О, какая сумочка! – всплеснула руками первая.

– Просто шик! – подхватила вторая. – Шикарнее выглядит только инкассаторский баул, набитый купюрами!

– Она такая... гм... уникальная, – выдавила третья с натянутой, как струна, улыбкой.

Эту третью – блондинку – Грета, честно говоря, недолюбливала больше остальных, окрестив ее про себя Зефиркой – за избыточную слащавость и сомнительную плотность содержания.

Грета вымученно улыбнулась, хотя внутри у нее уже начал закипать ядовитый коктейль из раздражения и меланхолии. Зефирка, как всегда, была уместна в этой компании так же, как кружевное жабо на боксерском ринге.

– Спасибо, девочки! – отозвалась Грета. – Урвала ее на распродаже.

Подруги многозначительно переглянулись. У каждой из них в анамнезе значился мужчина, а одна даже состояла в официальном браке, хотя Грета вечно забывала, какая именно: в ее системе координат замужние дамы сливались в единый монотонный фон.

– Мой вчера завалил меня цветами, – лениво обронила первая.

– А мой сам приготовил ужин! – восторженно подхватила вторая.

– А мой... – начала было Зефирка, но ее бесцеремонно перебили.

– А у тебя что нового, Грета? – хором поинтересовались «счастливицы».

Мадемуазель равнодушно пожала плечами:

– У меня? У меня есть сумочка!

Шутку встретили смехом, но в воздухе повисла та самая липкая неловкость, которую хочется соскрести с кожи.

– Ты просто еще не встретила своего принца, – сочувственно протянула одна.

– Или он просто застрял в пробке, – подмигнула вторая.

– Определенно застрял, – буркнула Грета с плохо скрываемым сарказмом. – На какой-нибудь другой планете. В соседней галактике.

– Главное, чтобы принц был при деньгах! – вставила свое веское слово Зефирка.

– Или хотя бы с чувством юмора, – добавила другая.

Впечатлительная Грета окинула их тяжелым взглядом:

– Юмора у меня в избытке. С деньгами, тьфу-тьфу, тоже порядок. А главное – сумочка!

Понимаете? Су-моч-ка!

Очередной взрыв хохота утонул в ресторанном джазе. Несмотря на триумф аксессуара, Грета окончательно раскисла. Восторги подруг действовали как дешевые обезболивающие – отпускали быстро, оставляя послевкусие тоски. Больше всего ее бесила Зефирка. Грете отчаянно хотелось скандала, но не бросаться же на человека только за невыносимый характер и вызывающий блондинистый оттенок?

К счастью для Греты (и к несчастью для окружающих), повод для маленькой бури не заставил себя долго ждать.

Все дело в том, что наша впечатлительная натура заказала авторский макарун «Сердце Версаля». Она уже грезилась о серии незабываемых снимков с этим кондитерским шедевром, который так агрессивно рекламировало заведение. В ожидании заказа Грета даже обновила помаду, выбрав оттенок, обязанный составить идеальный дуэт с десертом.

Но стоило официанту с едва уловимой усмешкой опустить перед ней тарелку из тончайшего фарфора, как мир мадемуазели рухнул.

– Что... это? – прошептала она. Ее голос дрожал, точно струна арфы под пальцами безумца.

Официант вежливо заверил, что перед ней тот самый макарун. Но Грету было уже не остановить.

– Этот розовый... он... он вульгарен! – воскликнула она, драматично прижав ладонь к груди. – На баннере он был пудровым, как первый румянец невинности! А этот – вызывающий, почти бесстыдный! Он кричит, он... он совершает надругательство над моим взором!

Грета медленно подалась вперед, так что кончик ее носа почти коснулся злополучного пирожного. Ее глаза расширились, а капризно изогнутые губы влажно блеснули в мерцании свечей.

– Вы предлагаете мне это вкусить? – она метнула в официанта взгляд, в котором ярость смешалась с необъяснимым призывом. – Это все равно что заниматься любовью при включенном люминесцентном свете! Никакой тайны! Никакого послевкусия целомудрия!

С театральным стоном Грета уронила голову на руки; ее плечи мелко подрагивали. Посетители кафе замерли, наблюдая, как она кончиками пальцев – медленно, почти интимно – отодвигает от себя тарелку.

– Унесите его, – выдохнула она, не открывая глаз. – Мой вечер осквернен. Утешить меня сможет лишь бокал самого холодного брютта... и, возможно, долгие, чистосердечные объяснения шеф-повара.

Итак, мадемуазель снова в эпицентре внимания. Она была глубоко удовлетворена. Зефирка заметно поблекла, посерела и окончательно ушла в тень – подобные перформансы были под силу только несравненной Грете. Психологическая победа была одержана, и теперь можно было переходить к главному «блюду» вечера.

Мадемуазель глубоко вздохнула. Настало время для финального аккорда – исповеди.

– Знаете, девочки, – начала она, – мой нынешний семейный статус трудно поддается классификации. Это та стадия одиночества, когда в доме нет даже кота.

Подруги дружно прыснули.

– Так давай добудем тебе кота! – предложила одна. – Он станет твоим единственным надежным мужчиной, опорой и поддержкой в эти темные времена.

Грета на мгновение задумалась, рисуя в воображении нечто мягкое и пушистое. Но реальность быстро взяла верх:

– Нет, исключено. Вдруг он будет напоминать мне кого-то из моих бывших? А у меня, как вы знаете, не сложилось решительно со всеми. Не хочу держать в доме живое напоминание о своих фиаско.

Однако судьба, как известно, плевать хотела на опасения впечатлительных дам. Вскоре в жизни Греты появилась Кики – кошка с огромными, вызывающе выразительными глазами, роскошной разноцветной шерстью и характером, который мог бы поспорить по строптивости с характером самой мадемуазели. Впервые принеся это пушистое недоразумение домой, Грета попыталась обозначить границы:

– Ты очаровательна, крошка. Но имей в виду: диван – мой, а набег на холодильник караются по закону.

Кики, словно понимая человеческую речь, тут же взлетела на диван и принялась демонстративно умываться. Весь ее вид говорил: «Посмотрим, кто здесь на самом деле устанавливает законы».

Спустя неделю Грета была безоговорочно влюблена. Жизнь без Кики казалась теперь пресной и лишенной смысла. Кошка превратилась в ее верного адъютанта: они вместе поглощали телесериалы, причем мадемуазель нежно поглаживала любимицу, не отрывая взгляда от экрана. Кики даже вызвалась помогать хозяйке с интернет-серфингом, регулярно запрыгивая на клавиатуру и редактируя сообщения Греты своими лапами.

Правда, однажды в отсутствие хозяйки кошка устроила в доме настоящий манифест свободы. Пакет с чипсами был безжалостно растерзан, и хрустящие ломтики, подобно конфетти после бурной вечеринки, украсили каждый сантиметр одной из комнат.

Мадемуазель не присутствовала при акте вандализма лично, но ее пылкое воображение мгновенно отрисовало сцену в мельчайших деталях.

Вот в полумраке уютной гостиной появляется коварная Кики. Ее шерсть лоснится, а в глазах горит огонь первобытного охотника. С изяществом хищника она атакует пакет со снэ-

ками, и – о, чудо! – золотистые ломтики разлетаются по полу, точно звезды, рассыпанные по безбрежному бархату ночного неба. Кики с наслаждением гоняет чипсы, будто это не дешевая закуска, а россыпь драгоценных камней. В каждом ее движении – грация, тайна и чистый, дистиллированный восторг.

Вернувшись домой, Грета замерла на пороге, созерцая этот лапотворный хаос. Внезапно он показался ей странно знакомым – этот беспорядок был материальным воплощением ее собственных тайных желаний, вечно скрытых под слоем приличий и повседневности. Комната наполнилась атмосферой игривой страсти, где даже мусор стал частью волшебного перформанса.

– Ну вот, – картинно вздохнула впечатлительная Грета, всплеснув руками. – Теперь мой семейный статус официально звучит так: «Живу с кошкой, чьи повадки идентичны поведению мужа!»

Кики, услышав голос хозяйки, обернулась. В ее огромных глазах блеснуло нечто подозрительно похожее на ироничную усмешку.

В этот момент Грета вдруг осознала: с таким «спутником жизни» все не так уж и плохо. В сердце разлилось неожиданное тепло. Жизнь с кошкой обещала быть как минимум нескучной, а главное – теперь было на кого легально растрачивать нерастраченную любовь, пока долгожданный принц томится в своих межгалактических пробках.

Вишневый Плащ

Тонкая нервная система Греты вечно пребывала в болезненном напряжении, толкая ее от восторженности к внезапным приступам истерии. Стоило ей заметить крошечную нитку, выбившийся из шва платья, как мир в ее глазах рушился, а сама она заходила в рыданиях, обвиня вселенную в заговоре против ее красоты.

В тот день мадемуазель Грета вновь вышла на прогулку. На этот раз ее окутывал изысканный шелк цвета морской волны. Ткань струилась по фигуре легким водопадом, а расшитый золотыми нитями корсет придавал осанке особую величественность. Юбка, расклешенная от бедра, плавно покачивалась в такт грациозным шагам, заставляя прохожих невольно оборачиваться вслед.

Тем временем детали наряда вновь затеяли спор.

– Послушай, корсет, – шептало платье, – не слишком ли крепки твои объятия? Я ведь на прогулке, а не в тисках!

– О, я лишь подчеркиваю твой триумф! – с гордостью откликнулся тот. – Без моей поддержки ты осталось бы просто тканью, а со мной превратилось в наряд королевы.

– Королевы? – вступила в беседу юбка. – Не забывайте, что именно я отвечаю за грацию и внимание публики. Я тот секретный инструмент, чей танец приковывает взгляды!

Пока детали спорили о своей значимости, складываясь в единую симфонию стиля, финальный аккорд поставил алый пояс. Яркий, дерзкий, украшенный крупной брошью в виде распустившегося цветка, он зажигал в Грете внутренний огонь.

– Взгляните на меня! – провозглашал он. – Без этой вспышки ты, платье, было бы лишь спокойной волной. Но со мной ты стало пламенем! Я завершаю этот образ, вдохнув в него жизнь и смелость.

Впечатлительная Грета, поправляя брошь, едва заметно улыбалась. Она слышала этот шепот предметов и точно знала: в этот день ее выход будет безупречен.

В парке на скамье Грета замечает загадочный силуэт – мужчину в плаще глубокого вишневого оттенка. Цвет, напоминающий о старинных романах и роковых встречах, окутывает его аурой таинственности. Лицо скрыто в тени капюшона, лишь глаза поблескивают, точно холодные звезды, а на губах играет едва уловимая улыбка. У впечатлительной Греты, чья натура склонна к резким порывам – от восторга до легкой истерики – перехватывает дыхание.

Она подходит ближе, завороченная тем, как легкая, словно тень, ткань плаща струится на ветру. Ей кажется, что время замерло. Повинуясь порыву, мадемуазель решает мысленно заговорить с самим плащом – ведь в ее мире одежда обладает душой. И плащ, полный иронии, не заставил себя ждать.

– Эй, дамочка! – раздался в ее мыслях ворчливый шепот. – Сделай одолжение, заставь его меня снять. Я за день наработался, хочу просто поваляться на спинке кресла!

Грета едва сдерживает смех, мысленно парируя:

– Зачем же? Ты ведь такой... эффектный аксессуар!

– Аксессуар, который даже кофе себе заказать не может? – язвил вишневый собеседник. – Я бы сейчас не отказался от чего-нибудь горяченького.

– Но ты же не умеешь пить! – подмигнула она.

– Ну и что? Зато выгляжу я роскошнее, чем тот кофе, который он в себя заливал утром. Мадемуазель не выдержала и прыснула вслух.

– С тобой твой хозяин похож на истинного романтического героя, – заметила она.

– Настоящий герой здесь – я! – гордо отрезал плащ. – С таким кроєм и цветом даже простая обезьяна в моих складках выглядела бы... эпически.

– Ну какой из тебя герой? – возразила Грета. – Ты ведь даже рукой самостоятельно махнуть не можешь!

– Зато я умею создавать атмосферу, – самодовольно бросил плащ, раздуваясь от порыва ветра. – А этот талант подороже любых жестов будет.

Пока вишневый плащ явил в ее мыслях, сам незнакомец оставался неподвижен, увлеченный чтением. Грета, снедаемая любопытством, присмотрелась к обложке: «Королева Марго». О, мир роковых страстей, интриг и ядов! Образ прекрасной Марго – одновременно жертвы и искусного манипулятора – окончательно убедил мадемуазель: это судьба.

Сделав решительный шаг, Грета нарушила тишину:

– Приветствую вас, незнакомец, – произнесла она, стараясь звучать непринужденно, хотя сердце в груди билось, точно пойманная птица. – Не желаете ли составить мне компанию в прогулке?

Вишневый Плащ (теперь Грета называла его только так) ответил неопределенным кивком, даже не подняв взора. Окрыленная этим жестом, мадемуазель принялась засыпать его историями о своих увлечениях. Она горячо рассуждала о том, что Марго была великой женщиной, но тут же добавила, что в принципе не доверяет особам своего пола – таково было ее твердое убеждение.

Однако вскоре ее воодушевление сменилось недовольством: мужчина был явно больше поглощен печатными строчками, чем ее монологом. Игнорирование больно ударило по самолюбию Греты, пробуждая в ней ту самую искру истеричности, что всегда жила в ее характере.

– Сударь! – обиженно выпалила она, теряя терпение. – Вы разве не находите, что я – чрезвычайно интересная собеседница?

Она порывисто поправила свою безупречную прическу, которая, казалось, вот-вот рассыплется от ее внутреннего напряжения. Мадемуазель буквально пыталась «примагнитить» его взгляд.

Мужчина наконец оторвался от страниц. Его губ коснулась мягкая улыбка.

– Разумеется, – отозвался он спокойным, обволакивающим голосом. – Простите мою нетактичность, но я просто не в силах вырваться из плена этого романа. Автор утверждает, что необходимо ценить каждый миг, и я боюсь упустить хотя бы крупину этого смысла.

Мадемуазель почувствовала, как в ней закипает досада: неужели ее живое обаяние проигрывает бумажной королеве? Это было почти оскорбительно. Решив перейти в решительное наступление, Грета склонилась к самому уху незнакомца и прошептала:

– Знаете, я тоже обожаю смаковать мгновения. Особенно те, что пропитаны истинной страстью!

Эффект превзошел ожидания: «Королева Марго» едва не выскользнула из рук Вишневого Плаща. Заметив его замешательство, Грета поняла – крепость пала, и теперь пора закрепить успех. Она принялась вдохновенно расписывать свои самые смелые мечты, жажду приключений и непредсказуемых поворотов судьбы. Ее глаза сияли, а голос дрожал от искреннего волнения. Заинтригованный незнакомец теперь слушал, затаив дыхание.

– К примеру, – продолжала мадемуазель, – однажды я заблудилась в диком, непролазном лесу. Представьте: сумерки, зловещие тени, и вдруг – вход в потаенную пещеру... Она манила своей пугающей неизвестностью. Сердце замерло, любопытство взяло верх, и я шагнула во тьму...

Тут Грета внезапно осеклась. Память предательски подсунула финал той истории: в пещере она встретила лишь соседа по даче – невыносимо скучного типа, чей кругозор ограничивался маринованными грибами и повадками любимых собак. Никакой мистики, никакой драмы.

– И что же? Что вы нашли там, в глубине? – с живым интересом подался вперед незнакомец.

Поняв, что разговор рискует обернуться комическим фиаско, Грета совершила резкий маневр. О соседе-грибнике порядочные героини романов не упоминают!

– О, об этом – как-нибудь в другой раз, – кокетливо бросила она, меняя тон. – Кстати, вы в курсе, что совсем рядом есть превосходный ресторан? Там подают такие деликатесы, что можно лишиться чувств от восторга. Каждый раз я испытываю там... настоящий гастрономический экстаз!

Незнакомец негромко рассмеялся:

– Я бы с радостью принял ваше приглашение, но боюсь, что после завязки вашей лесной истории я просто не смогу сосредоточиться на еде.

А вот Грета, напротив, уже целиком погрузилась в сладостное предвкушение. Ее воображение, подпитываемое особой впечатлительностью, мгновенно перенесло их из парка в уютный зал ресторана. Там, в мягком сиянии ламп, царила атмосфера умиротворения, а приглушенный шепот гостей лишь подчеркивал интимность их свидания.

В своих грезах мадемуазель видела себя сидящей напротив таинственного спутника. Их взгляды переплетались, точно невидимые шелковые нити. Она медленно подносила бокал к губам, наслаждаясь прикосновением холодного стекла, пока между ними пробегала искра – предвестница чего-то большего.

В какой-то момент его рука едва заметно коснулась ее запястья. Грета чувствовала, как по телу разливается живительное тепло, а сердце пускается вскачь, словно от нежного шепота на самое ушко.

Она была не в силах отвести глаз, и мужчина отвечал ей тем же – в его взоре, глубоком и звездном, таилась загадка. Они оба знали: за порогом этого воображаемого ресторана их ждет иной мир – мир, полный нежности и страсти, который уже манил их своим призрачным зовом.

Резкий возврат в реальность не смутил Грету. Напротив, она на мгновение задумалась о своей натуре: да, ее впечатлительность и порывы порой казались комичными, но в них же крылось ее неповторимое очарование. Решив, что настал момент для финального маневра, она лукаво прищурилась.

– Как вы относитесь к тому, чтобы прямо сейчас подвергнуть это заведение нашей совместной критике? – спросила она, добавив в голос своей самой искусной игривости.

Мужчина наконец захлопнул книгу. На его лице просияла искренняя улыбка.

– С удовольствием, – отозвался он. – Но с одним условием: вы все-таки поведаете мне, чем закончилось ваше приключение в той пещере.

Довольная собой, Грета мелодично рассмеялась. В ее голове уже зрел план, как превратить скучного соседа-грибника в нечто куда более захватывающее.

– О, пещера... – протянула Грета, и ее глаза азартно блеснули. – Знаете, пещера – она совсем как мущина. Там всегда можно отыскать сокровище... если знать все потайные входы и выходы!

В этот погожий день, под шепот листвы и ворчание вишневого шелка, началась новая история. Воздух наполнился предвкушением романтики, а главными героями этой пьесы стали эксцентричная мадемуазель и загадочный незнакомец. Они еще не знали, какие повороты судьбы ждут их впереди, но одно было ясно наверняка: скучать им точно не придется.

Джоконда

Мадемуазель Грета была особой на редкость впечатлительной: каждый шорох за окном вызывал у нее бурю эмоций, а богатое воображение без устали рисовало жуткие сцены – от нападения грабителей до вторжения инопланетян. Эти мысли не давали ей покоя, но порой страх уступал место восторженным грезам.

Те же фантазии о пришельцах накрывали Грету внезапно. Вот она сидит в кафе, неспешно потягивает кофе и после каждого глотка восторженно шепчет:

– Ой, как вкусно! Какая прелесть, просто чудо!

Вдруг небо за окном раскалывается от яркого света. Пришельцы! Огромные, сияющие, с изумрудными глазами и в облегающих костюмах. Грета улыбается, сердце заходится в груди. В их движениях, когда они спускаются на землю, сквозит неземная грация, напоминающая танец.

В своих мечтах мадемуазель видит, как они приближаются. Их прикосновения холодны, но нежны, а чужой язык звучит сладостной музыкой. Она смеется, представляя, как инопланетные гости учат ее летать. В этом кружении среди звезд и комет она чувствует себя особенной. В их взглядах – притяжение и обожание, они смотрят на нее как на сокровище, как на самое драгоценное создание этой планеты.

Смех Греты становится громче, она обнимает невидимого гостя. В ее мире теперь только они... и чашечка кофе. Космос вокруг, волнение внутри – она готова к приключениям, Вселенная ждет!

Но однажды в жизни Греты случается настоящая сенсация: в соседнем доме поселяется таинственный незнакомец. Высокий, мускулистый, с загадочной улыбкой, которой позавидовала бы сама Джоконда.

Впечатлительная мадемуазель не может отвести от него глаз; при каждой встрече ее сердце замирает. Она убеждена: этот мужчина скрывает нечто невероятное, и это лишь подогревает ее любопытство. Грета бессильна перед его обаянием. Стоит ему появиться на улице, как у нее перехватывает дыхание – словно перед важнейшим в жизни экзаменом.

Вскоре мадемуазель решается на знакомство с этим Джокондой – именно так она прозвала соседа, хотя его настоящее имя ей уже известно. Сделать первый шаг – решение отчаянное, и Грета отправляется за советом к подруге, известной шутнице. Та, недолго думая, выдает:

– Мне кажется, дорогая, он может быть очень опасным человеком!

Эти слова заставляют мадемуазель задуматься. Легкое беспокойство когтями скребет душу, но любопытство оказывается сильнее. Такова уж наша Грета: впечатлительная, капризная, порой – невозможная истеричка и жуткая трусиха, способная, однако, на безрассудную смелость. В порыве чувств она неуправляема – настоящая Джин Грей в ипостаси Темного Феникса!

Предостережение подруги лишь подливает масла в огонь ее воображения. В полумраке фантазий вновь возникает образ соседа. Его пронизательные глаза читают сокровенные мысли Греты, он медленно приближается, и его дыхание, горячее, как весенний вечер, касается ее кожи.

Мужчина обнимает ее и, склонившись к самому уху, шепчет нечто пугающее – слова, от которых сердце пускается вскачь. Страх и волнение переполняют ее, реальность предательски ускользает. Грета тонет в его объятиях, оказываясь в мире, где на стенах танцуют причудливые тени, а воздух пропитан ароматом тайны и страсти.

На следующий день Грета снова сталкивается с Джокондой. Обстановка далека от романтики: мужчина всего лишь вышел к бакам с мусорным ведром. Но натянутые нервы мадемуазели не выдерживают. Она закатывает глаза (это происходит с ней постоянно), сдержаться выше ее сил.

– Вы не можете так бесцеремонно... появляться на улице! – выкрикивает она в почти священном исступлении. – Вы же пугаете бедную женщину до полусмерти! А если человека дважды напугать до полусмерти, он, между прочим, умирает!

Мужчина замирает в изумлении, но тут же усмехается:

– Но я всего лишь выношу мусор...

– О, мусор! – Грета делает драматическую паузу и добавляет нравоучительным тоном: – Он как мущина: от него нужно избавляться вовремя!

Сосед лишь пожимает плечами, не в силах постичь логику этого эмоционального шторма. В тот же миг Грета заливается краской. Осознание собственной глупости обжигает: пора бы научиться самообладанию! Хотя в ее случае это, кажется, медицински невозможно.

Но поражение не в духе нашей героини. На следующее утро мадемуазель решает сменить тактику и переходит к «тяжелой артиллерии». Она облачается в самое легкое платье солнечно-лимонного цвета – изящный силуэт, кокетливые рюши и капелька истинного шарма.

Венчает образ шляпка – настоящий магнит для глаз. Кажется, будто на голове у Греты распустилась экзотическая орхидея из тончайшего пурпурного фетра. Широкие поля мягко касаются плеч, а на макушке горделиво возвышается атласный бант, переливающийся всеми цветами радуги. Это не просто аксессуар, а настоящая феерия, способная разогнать тучи в самый хмурый день. В таком «вооружении» Грета чувствует себя неуязвимой – она готова к решительному броску!

Шляпка самодовольно шепчет:

– Ну что, Грета, готова покорять мир? В таком наряде ты точно не останешься в тени!

Платье с легким смешком подхватывает:

– О да! Благодаря нам мадемуазель сияет, как солнечный луч. Но ты, дорогая шляпка, сегодня просто затмеваешь всех. В этом пурпуре ты – истинная королева!

– Королева? – кокетливо откликается шляпка. – Бери выше, я – сказочная фея!

Она весело покачивается в такт шагам:

– Посмотри, как я искрюсь! Я – само волшебство. Были бы у меня крылья, я бы уже взмыла ввысь. Представляешь, как чудесно было бы парить в облаках и танцевать с ветром?

– О, это было бы прекрасно! – кивает платье. – Ты стала бы самой очаровательной феей на свете!

Они утопают в собственном восторге, пока Грета не оказывается у порога. В руках у нее торт – «сладкое извинение» за недавнюю выходку. Это примирение бесконечно важно для нее, и впечатлительная мадемуазель начинает заметно нервничать.

Когда дверь открывает Джоконда, храбрость Греты мгновенно улетучивается. Сердце пускается вскачь, заготовленные речи рассыпаются в прах, а в голове воцаряется звенящая паника.

Красная как мак, она просто протягивает коробку и едва слышно выдыхает:

– Это... это всего лишь торт. Ничего больше.

Молодой человек рассмеялся – его смех был неожиданно приятным, обволакивающим. Он с явным интересом оглядел подношение и иронично заметил:

– Надеюсь, он не отравлен?

Грета выдавила глупую улыбку, чувствуя, как щеки буквально полыхают. Не дожидаясь ответа, она стремительно бросилась прочь. Мужчина так и остался стоять на пороге с тортом в руках, а впечатлительная мадемуазель уже скрылась за поворотом, оставляя таинственную «улыбку Джоконды» далеко позади.

На ходу Грета нещадно ругала себя за робость. Ах, если бы она могла прямо сейчас обернуться Фениксом! В этом образе она частенько являлась самой себе в мечтах. Грета воображала, как стоит на краю бездны, объята очищающим пламенем. Ослепительная, как солнечный полдень, с волосами, выющимися подобно языкам огня, и глазами, полными роковых тайн.

В этом облики она точно знала, чего хочет. Это была не просто сила – это была чистая страсть. Огонь обнимал ее, нежный и жестокий одновременно. Она смеялась, и мир замирал в почтении. В ее движениях сквозила магия, перед которой невозможно устоять. Феникс в своем высшем великолепии: свободная, желанная, повелевающая вихрем эмоций.

«Вот бы явиться перед этой Джокондой в образе Феникса!» – мечтательно думала Грета.

Постепенно мадемуазель начала постигать важную истину: не стоит делать из кошки слона. Нужно просто смаковать жизнь и радоваться любому пустяку, особенно если в нем есть хоть капля романтики. Сосед превратился для нее в неиссякаемый источник вдохновения. На какое-то время Джоконда стал главным объектом ее наблюдений и дерзких фантазий – а воображение у истеричной Греты всегда работало на полную мощность!

Это наваждение длилось неделю или две. А потом... потом на горизонте замаячил новый идеал. Кстати, окончательно любовный морок развеялся, когда Джоконда решил улыбнуться Грете особенно ослепительно. В разгар этого триумфа его вставная челюсть предательски соскользнула, и «загадочный сосед» был вынужден спешно запихивать свой имидж обратно в рот большим пальцем. «Улыбка на миллион» в одночасье обесценилась.

Господин Надоедун

Впечатлительная и капельку истеричная мадемуазель Грета не представляла жизни без ежедневных выходов в свет. Ее главными сценами были парк и набережная, а подготовка к «спектаклю» занимала часы: каждый наряд подбирался с маниакальной тщательностью. Грета любила быть в центре внимания, и сегодня ее секретным оружием стало струящееся бирюзовое платье, буквально резавшее глаза на фоне унылого городского пейзажа.

«Гвоздем программы» выступала шляпка. Широкие поля и центр композиции – экзотический пурпурный цветок, настолько живой и яркий, что казалось, он все еще благоухает тропиками. Весь образ дышал игривостью, а вшитые в ткань розовые стразы искрились на солнце, создавая вокруг Греты ореол магии.

Грета умела производить впечатление. А еще она умела слушать... болтовню собственных вещей.

– Ну что, как я выгляжу? – восторженно пицала шляпка. – Скажите же, я – настоящая леди!

– Выглядишь на миллион, – подмигнуло платье. – Но помни: без меня ты просто аксессуар.

– Какая дерзость! – фыркнула шляпа. – Посмотри на мой цветок, он же затмевает все вокруг!

– Благодарю! – кокетливо прошелестел цветок. – Я только что с экзотических островов, даже загар еще не сошел!

– Загар? – платье недоуменно охнуло. – Да ты просто цветок-сибарит! А я всю ночь провела на стуле в позе «не помяться бы», а до этого месяц пылилась в шкафу, выдерживая битву с десятком других платьев.

Оно обиженно вздохнуло, грезя о настоящем отпуске.

Грета пребывала в абсолютной уверенности: мир вокруг вращается исключительно ради нее, а случайные прохожие рискуют потерять рассудок от ее неземной грации. Она то и дело поправляла подол, ловя мимолетное торжество страз, пускающих «зайчиков» в глаза обывателям.

Внезапно в поле ее зрения возник ОН. Мужчина, чья фигура заставила бы покраснеть античные статуи, уверенно шагал мимо. Впечатлительная мадемуазель драматично возвела глаза к небу и едва не осела на поребрик – восторг был почти осязаемым.

– Какой типаж! Какой темперамент! – заговорщически зашептала она, прижимая ладонь к взволнованной груди.

В мгновение ока воображение нарисовало широкоэкранный фильм. Вот они вдвоем на бесконечном золотом пляже. Теплый песок ласкает ступни, а шальной морской бриз затевает игру с ее локонами.

Ее герой – высокий, с ослепительной улыбкой и искрой во взгляде – легко, будто пушинку, подхватывает ее на руки. Она слышит его смех, чувствует надежное плечо и тает под взглядом, полным нежности, пока небо окрашивается в закатный зефирный цвет. В этом розовом мареве будущего не было места будням – только шепот волн и бесконечный романтический триумф.

Грета уже почти почувствовала вкус соленых брызг, как вдруг реальность грубо ворвалась в ее грезы в образе соседа.

На горизонте замаячил человек, которого она про себя величала не иначе как Господин Надоедун. Старше нее лет на десять, вечно витающий в своих странных эмпиреях, он пользовался в округе сомнительной славой. И дело было даже не в его манерах, а в пугающей статистике: ну какой нормальный мужчина добровольно превратит свой дом в приют для дюжины

кошек? Грета считала, что такая концентрация хвостатых – перебор даже для одинокой девы, а для джентльмена – и вовсе диагноз.

Грета и с одной-то своей Кики с трудом находила общий язык, а тут – целая дюжина мурлык! Воображение мадемуазели, не знавшее границ, мгновенно нарисовало детальную картину соседского быта, хотя порога его дома она никогда не переступала.

В ее представлении там царил форменный кошачий хаос. Двенадцать пушистых акробатов резвились по углам, шлепая мягкими лапками по паркету и превращая жилище в цирковую арену. Вот какой-то хитрый кот затаился за диваном, чтобы эффектно выскочить на хозяина, точно актер из-за кулис, а Господин Надоедун лишь заходится в восторженном смехе.

На столе, среди важных бумаг, кошки устроили импровизированный пикник, оставляя на документах чернильные автографы, но странный сосед лишь вздыхает с умилением.

На залитом солнцем подоконнике, грациозно потягиваясь, нежится самая ленивая из стаи, а остальные ведут между собой нескончаемые светские беседы, делясь тайнами на кошачьем языке.

В этом мире безумия и шерсти сосед чувствует себя королем. Вечерами они облепляют его со всех сторон, мурча в унисон, и каждая кошка – со своим капризным характером и загадкой в глазах – становится для него целой вселенной. Он смеется, когда очередная любимица пытается поймать его за нос, и искренне верит, что это игра, полная кокетства и любви.

Идиллию разрушила суровая реальность: Господин Надоедун заметил Грету. Расплывшись в необъяснимо радостной улыбке, он решил, что настал идеальный момент похвастаться своими талантами. Извлекая на свет божий три крупных яблока, сосед принялся ими жонглировать. Со стороны это выглядело довольно забавно, но мадемуазель, наблюдая за этим цирком на выезде, в очередной раз закатила глаза. На этот раз – от глубочайшего негодования.

«Боже, какой кошмарный мужчина!» – пронеслось в ее голове.

Несмотря на возмущение, Грета поймала себя на том, что не может оторвать взгляда от этого нелепого зрелища. Его руки работали на удивление четко, яблоки мелькали в воздухе, выписывая безупречные дуги.

«Наверное, он способен жонглировать не только фруктами...» – пронеслось в ее туманном мозгу, и эта мысль заставила ее сердце биться чуть чаще. Любопытство росло: какие еще скрытые таланты таятся за фасадом «кошачьего короля»?

Но судьба – дама ироничная. Одно из яблок коварно выскользнуло из рук жонглера и приземлилось прямо у туфелек мадемуазели. Грета, верная своему порыву, ринулась на помощь фрукту, но коварная ветка ближайшего дерева вцепилась в ее наряд. Мгновение – и равновесие было потеряно. Послышался предательский треск: бирюзовая ткань не выдержала натиска, и миру открылись кружевные панталоны – розовые, в тон стразам.

Господин Надоедун, побледнев от ужаса, бросился на выручку:

– Не извольте беспокоиться, мадемуазель Маргарита! Я немедленно помогу вам!

Этот человек был полон странностей, и одна из них заключалась в том, что он был единственным, кто упрямо игнорировал ее привычное имя Грета, предпочитая полное, паспортное – Маргарита.

Он протянул ей руку, но комизм ситуации достиг апогея. Последнее яблоко, до этого сиротливо взмывшее в воздух, решило завершить свой полет ровно в центре ее роскошной шляпы, прямо на экзотическом цветке.

И тут произошло невероятное. Вместо ожидаемой истерики Грета... расхохоталась. Этот нелепый «фруктовый обстрел» вызвал у нее приступ искреннего веселья.

– Вот это да! – воскликнула она, вытирая выступившие от смеха слезы. – У вас определенно дар, мой дорогой!

Надоедун густо покраснел, но, стараясь сохранить остатки достоинства, подхватил яблоко с ее головы так галантно, будто это был элемент заранее отрепетированного номера.

Окрыленный ее смехом, он возобновил жонглирование – теперь уже двумя предметами. Это было куда проще: яблоки плавно танцевали в воздухе, описывая идеальные круги.

Грета смотрела на него, и мир вокруг стремительно менялся. Перед ней больше не было безумного соседа с его двенадцатью кошками. Теперь она видела довольно симпатичного, хоть и не первой молодости, мужчину. А разница в десять лет? Что ж, для впечатлительной мадемуазели это была не пропасть, а лишь пикантная деталь нового приключения.

Вопрос о том, что же он творит со своей кошачьей дюжиной, Грета решительно отодвинула на задворки сознания. Фантазировать в этом направлении ей больше не хотелось – реальность предлагала куда более захватывающее зрелище.

Теперь все ее внимание было приковано к предплечьям соседа. Под кожей перекачивались мышцы, каждое движение было выверено и напряжено, выдавая истинное мастерство. Легкая улыбка на губах мужчины обещала нечто большее, чем просто цирковой номер. Для впечатлительной Маргариты эти летающие яблоки вдруг стали символом чего-то запретного и невыносимо сладкого. Ее фантазия разгоралась, словно спелый плод, который вот-вот упадет с ветки.

С тех пор их встречи в парке стали доброй традицией. Капитан Трюк – как она теперь ласково его называла – расширил свой репертуар: в ход шли картофелины, сочные апельсины и разноцветные мячики. Грета, забыв о своей напускной истеричности, восторженно хлопала в ладоши, искренне наслаждаясь каждым его жестом.

Правда, когда Капитан Трюк взялся за карточные фокусы, дело пошло туго. Магия не давалась, карты вечно так и норовили выскользнуть из пальцев, заставляя беднягу пунцоветь от неловкости. Но Грету это лишь умиляло.

– Ну-ка, еще один фокус! – подзадоривала она его, сияя глазами. – Покажите мне то, чего я еще никогда не видела!

О том атлете с потрясающей фигурой, который так взволновал ее вначале, мадемуазель больше не вспоминала. Ведь она давно знала: мужчина – он как яблоко. Как раз в самых безупречных на вид плодах частенько заводится червячок!

Впрочем, это не мешало ей, кутаясь в свое подрезанное бирюзовое платье, по-прежнему мечтать о прекрасном принце – пусть даже этот принц пахнет не духами, а валерьянкой и свежими яблоками.

Тренажеры, чувства и протеин

У мадемуазели Греты имелась удивительная суперсила – она способна превратить любую банальную ситуацию в настоящее шоу. И происходило это чуть ли не ежедневно.

Однажды, проходя мимо цветочного павильона, она заметила внутри нечто необычное. Продавец аккуратно срезал хризантемы – ровно, бережно, стебли выглядели безупречно. Но впечатлительная Грета не смогла сдержать эмоций и громко воскликнула:

– О господи! Какой кошмар! Он их калечит!

Люди вокруг обернулись, удивленные ее реакцией. Но мадемуазель не стала ждать объяснений – она стремглав бросилась в магазин, решив спасти цветы. Продавец лишь пожимал плечами, не понимая, что происходит, а Грета была полна решимости: она не могла оставить хризантемы в беде.

Но этот случай – пустяки. Уже на следующий день Грета решила заглянуть в недавно открывшийся фитнес-клуб. На тот момент мадемуазель буквально искрилась энтузиазмом – пришло время для большой прокачки тела. А начала она, разумеется, с эффектного облачения.

Грета не признавала полутонов: ее наряд превратился в настоящий взрыв радуги и дерзкий вызов серым будням. Градиентные леггинсы, где ярко-розовый плавно перетекал в глубокий фиолетовый, соблазнительно облегали фигуру, подчеркивая каждый изгиб. В дополнение к ним она выбрала облегающий топ с открытыми плечами из невесомого материала, украшенный неоновым принтом в оттенках бирюзы и лимона. Образ выглядел безупречно, и Грета чувствовала – она была готова покорять мир.

Внезапно леггинсы решили заявить о себе:

– Посмотрите на нас! – горделиво воскликнули они. – Мы сияем! Розовый и фиолетовый – это как закат на пляже, только в сто раз круче!

Их цвета переливались, приковывая взгляды, но топ, глядя на них буквально свысока, не удержался от смеха:

– Закат? Да вы скорее ранний рассвет! А вот я – как восхитительная роса: свеж, легок и рожден для приключений!

Несмотря на шутливый спор, они составляли идеальную команду. Образ дополняли ультрамодные кеды, вспыхивавшие неоновыми вставками при каждом шаге. Единственным «серьезным» участником ансамбля являлся ярко-красный фитнес-браслет на запястье.

– Я здесь для дела, – строго напоминал гаджет. – Не забудь про разминку, Грета, иначе мои отчеты не будут такими триумфальными.

Финальным аккордом стала легкая ветровка. Ее расцветка, напоминавшая солнечное утро, заряжала пространство вокруг энергией и драйвом здорового образа жизни.

И вот мадемуазель Грета переступила порог фитнес-клуба. Двери распахнулись с едва слышным шорохом, открывая путь в иной мир – царство стальных мышц и соленого пота. Зеркала здесь сияли так пронзительно, словно глаза завистливых подруг.

Женщина замерла на мгновение. Вокруг кипела жизнь: кто-то укрощал тяжелое железо, кто-то грациозно растягивался. Впечатлительная натура Греты ликовала. Воздух, пропитанный ароматом спортивного питания и азартом, заставлял ее сердце биться чаще. Взгляд скользил по рядам тренажеров – они манили ее, как витрина с изысканными десертами.

Мелькавшие на экранах идеальные тела заставили Грету нахмуриться. Ее собственная форма была еще далека от совершенства, и она понимала: впереди много работы. Возможно, даже слишком много.

Она встала на беговую дорожку. Ноги слегка подрагивали от волнения. Машина отозвалась глухим гулом, и Грета пустилась в бег. Ее волосы развевались, словно победный флаг, а в зеркальном отражении она видела уверенную в себе женщину.

Вдруг рядом материализовался невероятно мускулистый атлет. Его грудь казалась внушительнее, чем у самого Шварца в лучшие годы. Он бросил на нее мимолетный взгляд, и мадемуазель невольно улыбнулась.

«Неужели я привлекла его внимание?» – пронеслось в голове.

Темп бега ускорился, пульс забил в такт музыке. Грета чувствовала, как тело наполняется жгучей энергией. Фитнес-клуб стал для нее не просто местом тренировки. Это была ее новая сцена, где она была готова блистать.

Но главное – это мужчины. Их в зале было множество. Они упражнялись с гантелями и штангами, и их рельефная мускулатура хищно поблескивала в лучах софитов. Это зрелище захватило Грету целиком, доводя до экстаза. Она едва не лишилась чувств от восторга – ей хотелось быть такой же сильной, такой же властной.

– Боже, как же это возбуждающе! – внезапно воскликнула она.

Голос Греты, громкий и звонкий, разрезал гул зала. Десятки голов повернулись в ее сторону. Мадемуазель оказалась в центре внимания – именно там, где и привыкла быть.

– Я и представить не могла, что в спорте может быть столько... чувственности! – продолжала она, и ее глаза лучились неподдельным восторгом.

Зал на мгновение затих. Мужчины начали перешептываться, обмениваясь многозначительными взглядами. Один из них – воплощение мужской самоуверенности – отделился от группы и с легкой ухмылкой направился к мадемуазели. Его походка была хищной, а голос звучал мягко, но властно:

– Если желаете, мадемуазель... я мог бы лично обучить вас паре упражнений с отягощением.

Впечатлительная Грета замерла, чувствуя, как сердце пустилось вскачь. Она ощущала электричество в воздухе – предвестник чего-то неизбежного. Эмоции перехлестнули через край, и она выпалила в волнении:

– О, ни за что на свете! Я же упаду в обморок от избытка чувств! Штанга – она ведь как мушкетер: возьмешь ношу не по силам – и надорвешься!

Страх перед холодным железом взял верх, и Грета так и не решилась прикоснуться к весам. Она отступила, но энергия клуба продолжала ее пьянить.

Но вдруг ее взгляд наткнулся на только что появившуюся здесь блондинку. Это была не просто женщина, а настоящая амазонка, живая скульптура с рельефными мышцами. Ее светлые волосы сияли, как солнечные нити, а игривая улыбка бросала вызов каждому присутствующему. Грета узнала в ней известную фитнес-блогершу.

Мадемуазель наблюдала за ней, затаив дыхание. Она никогда не жаловала блондинок, и в тот миг укол зависти болезненно щипнул ее сердце. Как же та была хороша! Каждое движение девушки казалось залпом фейерверка. Блондинка взялась за штангу, и ее мышцы перекачивались под кожей, точно натянутые струны. Она купалась в лучах славы, и Грета почувствовала, что была близка к истинной истерике: ведь в центре внимания оказался кто-то другой.

Взгляд соперницы сверкал острой искрой. Она ловила восхищенные вздохи зала, как заслуженные трофеи. Грета пыталась отвернуться, но взгляд против воли был прикован к этому триумфу. Когда блондинка смеялась, казалось, мир вокруг замирал. В этот миг Грета осознала: фитнес – это не только пот и дисциплина, но и высокое искусство с легким привкусом сладострастия.

Тяжело вздохнув, мадемуазель достала очередной протеиновый батончик. Зависть и восхищение сплелись в тугий узел. Блондинка была бесспорной королевой зала, а Грета оставалась лишь зрительницей в первом ряду, поглощавшей свой сладкий утешительный приз.

Но это было лишь временным поражением. Наша героиня уже знала, что обязательно свергнет ее с престола. Сколько уже таких соперниц она «похоронила» – фигурально выража-

ясь, конечно. Сама Грета, кстати, предпочитала рыжие оттенки волос, но как раз накануне, поддавшись спонтанному решению, сама превратилась в платиновую блондинку.

Наша впечатлительная героиня стала частым гостем в спортзале, хотя тренажеры ее по-прежнему волновали мало. Она приходила за вдохновением, эстетикой и шансом покорить эту импровизированную сцену. Главным же магнитом оставались атлетичные инструкторы – Грета созерцала их с подлинным восторгом, превращая каждую тренировку в богатую пищу для своих фантазий.

Во время очередного визита она стала свидетельницей почти гипнотического зрелища. Один из тренеров демонстрировал растяжку. Грета замерла: его движения были на диво грациозными и текучими, словно он исполнял медленный танец. Мышцы перекачивались под кожей, обнажая совершенство рельефа.

Мужчина медленно наклонился, вытягивая руки, и по его спине скользнули капли пота, сверкая в свете ламп, точно драгоценные камни. Это зрелище завораживало. Впечатлительная мадемуазель буквально оцепенела, чувствуя, как внутри разгорается огонь. Тренер, явно осознавая магию момента, едва заметно улыбнулся – этот жест был похож на приглашение в мир, где физическая мощь и нежность сливаются в единой гармонии.

Грета не выдержала и восторженно выпалила:

– Боже, как это красиво! Просто магия! Тоже хочу быть гибкой, как вы, и чувствовать такую же свободу!

Инструктор, усмехнувшись, предложил ей присоединиться. Грета, несмотря на легкое кокетливое сомнение, согласилась.

– Когда Бог раздавал гибкость, я явно прогуливала, – театрально вздохнула она, невозмутимо дожевывая протеиновый батончик. – Скорее всего, в это время я стояла в очереди за лишней порцией впечатлительности!

В пылу тренировки Грета так вошла в роль «гибкой кошки», что совершенно потеряла контроль над траекторией. Одно неловкое движение – и ее колено с глухим звуком встретилось с... весьма деликатной зоной инструктора.

– Ой! – только и смог выдохнуть атлет, округлившимися глазами глядя на свою «ученицу».

Грета в ужасе всплеснула руками и огласила зал истошным криком:

– Господи! Я его убила! Мушину убила!

Зал взорвался хохотом. Ситуация была настолько нелепой, что даже суровые бодибилдеры побросали штанги. Пока бедный инструктор пытался восстановить дыхание и успокоить публику, Грета пламенела всеми оттенками пунцового. Но именно в этот миг она вспомнила: ее неумная впечатлительность – это не порок, а настоящий сценический дар. Она не просто клиент клуба, она – его душа, превращающая рутинную качалку в искрометное шоу.

С тех пор Грета стала полноправной звездой фитнес-центра. Ее визитов ждали как премьеры в театре. Стоило ей переступить порог, как по мужским рядам пробежало оживление:

– Наша мадемуазель пришла! Сейчас начнется самое интересное!

Мужчины были в восторге от ее непосредственности и бьющей через край энергии, а вот дамы... дамы симпатий не разделяли. Та эффектная мускулистая блондинка, что когда-то считалась здесь королевой, давно предпочла ретироваться. Видимо, решила, что битва за трон проиграна, и отправилась искать себе королевство поспокойнее, где уровень «драмы» не зашкаливает так фатально.

А Грета продолжала сиять. Все знали: там, где появлялась эта впечатлительная особа, скука гибла первой. Ее энергия была заразна, а каждое появление являлось гарантией того, что день перестанет быть томным.

Цветочный Принц

Мадемуазель Грета – магнит для приключений. Виной всему ее зашкаливающая впечатлительность и легкий налет истеричности. Главная страсть Греты – отношения с мужчинами. В этой сфере она – истинный гений, если, конечно, закрыть глаза на полное отсутствие практических результатов.

Почти каждый день ее маршрут пролегает мимо цветочной лавки, где трудится симпатичный флорист. Грета – романтик до мозга костей. Стоит ей увидеть его, как лицо заливают краской, а сердце пускается в неистовый пляс. Ей кажется, что этот барабанный бой слышен даже в соседней кофейне.

Это волнующее чувство совершенно обезоруживает Грету. Она искренне верит, что он ее заметит, но заговорить первой не решается. Однако сегодня настал день перемен: Грета решила действовать. План прост и гениален: войти, купить букет, завязать беседу. А там – как карта ляжет.

Для «штурма» мадемуазель выбрала наряд поскромнее, желая воплотить образ «утреннего тумана». Впрочем, с «поскромнее» не вышло скорее «вдохновляюще». Легкое платье из персикового льна нежно обнимало фигуру. Расклешенные рукава создавали ауру невесомости, а каскадная юбка, ниспадающая до щиколоток, буквально шептала о грации.

Чувствуя поддержку каждой ниточки своего наряда, Грета улыбнулась. Утренний свет играл на ткани, а уверенность стала постепенно наполнять сердце. Она была готова к главному приключению своей жизни.

Маленький цветочный магазинчик притаился на углу, точно ларец с сокровищами. Его витрина манила прохожих соблазнительной улыбкой, а цветы внутри полыхали, как страстные поцелуи: розы – алые, будто горячие губы; лилии – белоснежные, как невинные девичьи мечты.

За прилавком творил веснушчатый волшебник. С игривой улыбкой он ловко сплетал стебли, и его руки двигались в такт невидимому танцу, а атласные ленты переливались, как многообещающие взгляды. Свет в лавке был мягким, словно прикосновение, а картины на стенах смотрели на покупателей с завуалированным намеком. Казалось, каждый цветок тянулся к клиенту, умоляя: «Возьми меня с собой в свое приключение!»

Подойдя к прилавку, Грета вновь почувствовала, как предательски дрожат колени. Волнение захлестнуло ее, и вместо банального «здравствуйте» она внезапно для самой себя выпалила:

– Приветствую вас, мой цветочный принц!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.